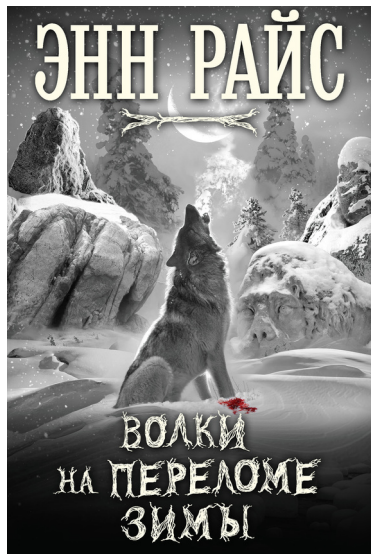

Энн Райс
Волки на переломе зимы
Серия «Дар волка», книга 2

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9747830
Райс, Энн. Волки на переломе зимы: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-79215-3*

Аннотация

В поместье Нидек-Пойнт пришла зима. Феликс Нидек решает организовать для местных жителей рождественский праздник. Для Ройбена Голдинга это Рождество станет особенным, ведь впервые он встретит его в обличье морфенкинтера и по их старинным обычаям. В один из спокойных зимних вечеров Ройбен видит призрак Марчент Нидек – бывшей владелицы поместья. Она пытается заговорить с ним, но ей никак не удается прорвать барьер между мирами. Встревоженный, что Марчент не может найти дорогу в Верхний мир, Ройбен вынужден обратиться к Лесным джентри – магическому народу, обитавшему на территории Нидек-Пойнта задолго до появления первых людей.

Вот только можно ли им верить?

Впервые на русском языке!

Содержание

Предыстория	5
1	6
2	17
3	22
4	27
5	33
6	37
7	46
8	51
9	57
10	60
11	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Энн Райс

Волки на переломе зимы

*Посвящается Виктории Уильямс, Нэнси Райс Даймонд Милли
Болл и отцу Джозефу Кокуччи*

*Что, в нищете своей,
Я дать Ему могу?
Будь я пастух,
Я б отдала овцу,
Будь я мудрец,
Исполнила б свой долг,
Но только сердцем обладаю я —
Его отдам Ему.*

*– Из «Морозных дней зимнего солнцестояния» Кристины Росетти
(1872)*

Anne Rice

The Wolves of Midwinter

Copyright © 2013 by Anne O'Brien Rice

© Гришин А., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

Предыстория

Не в добрый час Ройбен Голдинг, молодой репортер из Сан-Франциско, посетил Нидек-Пойнт, огромный особняк на побережье Мендосино. У него на глазах убили Марчент Нидек, очаровательную хозяйку поместья, а его самого укусил чудовищный зверь, разделавшийся с убийцами. После этого его жизнь в корне изменилась. Ройбен, скорбевший по Марчент, вскоре узнал, что оказался ее наследником, а потом обнаружил, что стал оборотнем-вервольфом.

В волчьем облике Ройбен полностью сохранял человеческое сознание. Он проникся стремлением защитить невинных жертв насилия от нападений всяких злобных мерзавцев. Вскоре он прославился как супергерой Калифорнийский Человек-волк, его со всех сторон обложила полиция, а потом он нашел любовь – Лауру, женщину, принявшую его в волчьем облике. Своим домом они сделали Нидек-Пойнт, где старинные портреты «достопочтенных джентльменов» на стене в библиотеке, кажется, были каким-то образом связаны с Волчьим Даром, доставшимся Ройбену.

Объявились злонамеренные ученые, стремившиеся заполучить Ройбена себе во власть, осаждавшие родителей Ройбена – врача Грейс Голдинг (которая сразу заподозрила, что с сыном творится что-то неладное) и ее мужа, поэта и профессора Фила Голдинга, – настойчивыми требованиями повлиять на их «погубленного» сына. Брат Ройбена, священник Джим Голдинг, которому Ройбен сам открыл свою тайну на исповеди, не в состоянии хоть как-то распорядиться своими знаниями.

Тем временем Ройбен, не успевший набраться опыта в качестве супергероя, допустил досадную ошибку: нечаянно укусил юного Стюарта Макинтайра, которого негодяи едва не забили насмерть за его гомосексуальные наклонности.

Те же самые ученые, стремившиеся захватить Ройбена и Стюарта к себе в плен, вскоре добрались и до Нидек-Пойнта, однако их планы были разрушены внезапным появлением перед ошарашенными полицейскими, работниками «Скорой помощи» и родственниками еще одного человека-волка и «почтенных джентльменов», которые были запечатлены на фотографиях в библиотеке.

Нидек-Пойнт сделался убежищем для Ройбена, Стюарта, Лауры и Почтенных джентльменов, старшие из которых, Феликс и Маргон, имели ответы на все вопросы Ройбена по поводу его новой сущности, потерпевших поражение ученых и происхождения древнего племени морфенкиндеров, к которому теперь принадлежали и Ройбен со Стюартом.

1

Начало декабря было очень холодным и пасмурным, как всегда, хлестали дожди, но никогда еще в просторных комнатах Нидек-Пойнта¹ не пылали так ярко дубовые дрова. Почтенные джентльмены – Ройбен теперь произносил эти слова исключительно с заглавной буквы – уже обсуждали древнюю и почтенную традицию рождественских святок, рецепты медовухи, меню праздничного стола и заказывали целыми милями свежие зеленые гирлянды для украшения дверей, каминных полок и лестниц старинного особняка.

Для Ройбена это Рождество, которое ему предстояло провести в обществе Феликса Нидека, Маргона, Стюарта и других дорогих ему людей, должно было стать первым в своем роде. Эти люди стали для него новой семьей. А потаенный, но полный радости и взаимной приязни мир морфенкиндов был, вне всякого сомнения, куда ближе ему, чем мир его человеческой родни.

Обаятельная экономка, швейцарка по имени Лиза, присоединилась к этому обществу всего несколько дней тому назад. Судя по множеству приятных мелочей, привнесенных ею в быт, эта величественная дама с чуть заметным немецким акцентом и безукоризненными манерами уже успела сделаться в Нидек-Пойнте настоящей домоправительницей. Она в самом деле носила нечто вроде униформы – элегантные платья из черного шелка или шерстяного жоржета с широкими юбками, спускавшимися до середины икр, волосы убирала в прическу-«ракушку» и улыбалась очень естественно и без малейшего усилия.

Прочие – Хедди, горничная-англичанка и Жан-Пьер, камердинер Маргона, – судя по всему, ожидали ее появления и явно считались с нею; они часто вполголоса совещались между собой по поводу своей работы, и эти переговоры обычно для пущей секретности велись на немецком языке.

Лиза ежедневно включала «трехчасовое освещение» (ее собственное название), объясняя, что такова была воля герра Феликса, о которой ни в коем случае нельзя забывать, поэтому, когда вокруг смыкался зимний мрак, в ярко освещенных главных комнатах всегда было светло и весело. Она же следила за каминами, которые стали для Ройбена незаменимой опорой душевного равновесия.

Там, в доме на Русском холме в Сан-Франциско, маленькие газовые каминчики тоже доставляли Ройбену удовольствие, но были, бесспорно, роскошью, без которой легко можно было обойтись. Но здесь огромные зевы, в которых пылал огонь, являлись неотъемлемой частью жизни, и Ройбен зависел от них, от их тепла, от их аромата, от их жутковатого мерцающего сияния, как будто находился вовсе не в доме под названием Нидек-Пойнт, а в глубине бескрайнего леса, который и являлся миром с постоянно накапливавшейся там темнотой.

После появления Лизы Жан-Пьер и Хедди стали гораздо увереннее предлагать Ройбену и Стюарту всевозможные удобства, по собственной инициативе подавали им чай и кофе и проскальзывали в спальни, чтобы застелить постели, едва только заспанные обитатели успевали их покинуть.

Дом с его тайнами и тайнами его обитателей постепенно становился Ройбену родным.

И Ройбену совершенно не хотелось отвечать на частые звонки и сообщения из Сан-Франциско от матери, отца и бывшей подружки Селесты, которая последние несколько дней то и дело названивала ему.

Сам звук ее голоса, ее привычка называть его «солнечным мальчиком» выводили Ройбена из себя. Мать иногда называла его малышом или деточкой. С этим он мог мириться. Но Селеста теперь использовала выдуманное для него ласкательное прозвище в каждом разго-

¹ Название Нидек произносится с долгим «и». (Прим. авт.)

воре и не по одному разу. Каждое текстовое обращение адресовалось солнечному мальчику, а произносить эти слова она умудрялась так, что он явственно слышал в них сарказм или презрение.

Во время последнего разговора лицом к лицу, сразу после Дня благодарения², она, как обычно, обвинила его в том, что он отказался от прежней жизни и сбежал в захолустье на побережье Мендосино, где у него, несомненно, будут все возможности, чтобы «беспрепятственно бездельничать», «быть ничем» и жить по своему разумению среди «этих льстецов и подхалимов, твоих новых дружков».

«Я вовсе не бездельничаю», – мягко возразил он, на что она ответила: «Даже солнечные мальчики должны что-то представлять собой».

Конечно, он ни за что и ни при каких обстоятельствах не мог сказать Селесте, что на самом деле случилось с его миром, и хотя он и уговаривал себя, что за ее бесконечной брюзгливой заботой кроются самые лучшие намерения, все же он порой задумывался о том, как такое вообще могло случиться. Как он мог любить Селесту или думать, что она любила его? И, что, пожалуй, было важнее, почему она могла полюбить его? Ему трудно было верить в то, что у них был роман, тянувшийся целый год до того, как его жизнь неожиданно круто переменялась, и сейчас он желал только, чтобы она наконец отвязалась от него, позабыла о нем, радовалась новому роману с его лучшим другом Мортотом и сделала беднягу Морта новым объектом для своих амбиций и энергии. Мортот любил Селесту, и Селеста, похоже, отвечала ему взаимностью. Так почему она продолжала помогать еще и его, Ройбену?

А вот Лауры ему ужасно не хватало, Лауры, которая делила с ним все перипетии последнего времени и от которой не было ни слуху ни духу, с тех пор как она покинула Нидек-Пойнт, чтобы решить, как же ей быть.

Подчинившись порыву, он отправился на юг, туда, где на окраине Мьюрского леса стоял ее дом.

Всю дорогу он медитировал на все, что его окружало. Ему хотелось слушать музыку, грезить наяву, наслаждаться поездкой, дождь там или не дождь, однако он никак не мог отвлечься от обстоятельств, пусть даже они и не были безрадостными.

Давно уже перевалило за полдень, над головой висело свинцовое, то и дело вспыхивавшее небо, и дождь никак не желал прекращаться. Впрочем, он уже привык к такой погоде и теперь рассматривал ее как часть того очарования, которое зима обрела в его новом состоянии.

Утро он провел в городке Нидек вместе с Феликсом, который готовил для главной улицы рождественское оформление из живой зелени и иллюминации. Деревья перед каждым магазином и кафе надлежало обвешать украшениями и мигающими лампочками; Феликс вызвался оплатить все это – если владельцы заведений не будут против. Все они радостно согласились. Владельцу гостиницы он выписал чек на особое оформление главного зала, а также договорился с изрядным количеством домовладельцев, которые тоже пожелали украсить свои дома.

Нашлись и люди, пожелавшие временно воспользоваться пустующими магазинами на главной улице, – торговцы дорогим мылом и шампунями, винтажной одеждой, кружевами (как старинными, так и современными). Феликс купил единственный в городе старый кино-театр и собирался реконструировать его, хотя еще не решил, как именно.

Ройбен посмеивался, глядя на все эти меры по возрождению города. Но Феликс не забывал и о более практических сторонах жизни Нидека. Он наладил связь с двумя оставшимися поставщиками, которые пожелали открыть магазины бытовой техники и инструмен-

² День благодарения – официальный праздник США в память первых колонистов Массачусетса, отмечаемый в последний четверг ноября.

тов, еще несколько человек захотели открыть кафе и газетный киоск. Нидек состоял из 142 домохозяйств, где обитали около 300 человек. Содержать сами свой намеченный бизнес они не могли, зато это было по силам Феликсу, который собирался поддерживать все начинания до тех пор, пока город не обретет своеобразие и очарование, которые будут привлекать сюда людей. Он уже продал четыре участка людям, собравшимся построить на расстоянии пешей прогулки от центра города несколько хороших домов.

Престарелый мэр Джонни Кронин пребывал в настоящем экстазе. Феликс предложил ему нечто вроде денежного гранта, чтобы он бросил свою «жалкую работенку» в страховой конторе, куда ездил за шестьдесят миль.

Они договорились, что вскоре состоится воскресный рождественский фестиваль, куда пригласят ремесленников и умельцев всяческих сортов, дадут рекламу в разные местные газеты, после чего Феликс и мэр решили продолжить беседу за запоздалым ленчем в главном обеденном зале «Таверны», а Ройбен предпочел отколоться от них и отправиться по своим делам.

Он должен был повидать Лауру, даже если она ничего не решила, должен был хоть как-то – как получится – обняться с нею. Черт возьми, если ее не окажется дома, он будет счастлив просто посидеть в ее гостиной или прилечь на ее кровать и немного вздремнуть.

Может быть, это было с его стороны не слишком порядочно по отношению к ней, а может быть, и вполне порядочно. Он любил ее, любил сильнее, чем какую-либо из своих прежних подружек или любовниц. Он просто не мог жить без нее, и, возможно, ему следовало сказать ей об этом. Ну, почему бы и не сказать? Терять все равно нечего. Он подтолкнет ее к решению – в ту или другую сторону. А ему нужно избавиться от страха перед ее будущим решением, каким бы оно ни оказалось.

Когда он въехал на дорожку, ведущую к ее дому, уже начало темнеть.

На айфоне появилось еще одно сообщение от Селесты. Он оставил его без внимания.

На фоне темного выступа леса окруженный деревьями маленький домик с высокой островерхой крышей сиял теплым светом; Ройбен уловил аромат горящих дубовых дров. Тут ему внезапно пришло в голову, что следовало бы купить какой-нибудь маленький подарок, хоты бы цветы или, например... кольцо. Он не подумал об этом вовремя и теперь не на шутку расстроился.

А что, если она не одна, если с нею там какой-то совершенно незнакомый мужчина? А если она вообще к двери не подойдет?

Ну, к двери она подошла. И открыла ему.

Как только их взгляды встретились, он захотел любви с нею. И ничего больше. Она была одета в потертые джинсы и старенький серый свитер, отчего ее глаза казались еще темнее и бархатистее, и без капли косметики, с распущенными по плечам волосами, она выглядела великолепно.

– Иди ко мне, чудовище, – сразу сказала она низким дразнящим голосом и, крепко обняв его, покрыла поцелуями все его лицо и шею. – Дай-ка я посмотрю на этого... хм-м-м... синеглазого брүнета. Похоже, все это время я только о тебе и думала.

Он крепко, наверно, до боли стиснул ее. Сейчас ему хотелось только одного – держать ее в объятиях.

А она уже вела его в спальню, находившуюся в глубине дома. Она вся светилась, ее щеки покраснелись, а красиво взлохмаченные волосы, кажется, стали гуще, чем он помнил, и определенно ярче, чем он помнил, словно напоенные солнцем, а выражение ее лица было лукавым и восхитительно сердечным.

В небольшом чугунном камине умиротворяюще играл огонь. По обе стороны дубовой кровати, небрежно застеленной блеклым клетчатым пледом, поверх которого лежали отделанные кружевами подушки, мягко светили лампы со стеклянными абажурами.

Она сбросила с кровати покрывало и помогла ему снять куртку, рубашку и штаны. Воздух был теплым, сухим и ароматным, как всегда в ее доме, ее маленькой берлоге.

От испытанного облегчения на него навалилась слабость, но продолжалось это всего несколько секунд, а потом он принялся целовать ее, как будто они вовсе не разлучались. «Не торопиться, только не торопиться», – повторял он себе, но эти уговоры не слишком помогли. Все получилось горячо, бурно, грубо и изумительно.

Потом они лежали в полудреме бок о бок, а в оконные стекла барабанил дождь. Очнувшись и повернув голову, он увидел, что она лежит с открытыми глазами, глядя в потолок. Только из кухни падал свет. И там готовилась еда. Он чувствовал это. Жареная курица и красное вино. Он отлично знал этот запах и вдруг почувствовал такой голод, что не мог уже думать ни о чем другом.

Они вместе пообедали за круглым дубовым столом; Ройбен в махровом халате, который выдала ему Лаура, а она в одной из своих любимых изящных белых фланелевых ночных рубашек. Эта была украшена скромной голубой вышивкой, голубыми ленточками на воротнике, манжетах и разрезе, голубыми пуговичками, и все это изумительно шло к ее несколько отсутствующей, но все же ослепительной улыбке и сияющей коже.

Во время еды они молчали. Ройбен жадно поглощал все, что имелось на столе, а Лаура, к его удивлению, тоже ела, а не гоняла, как обычно, куски по тарелке.

Покончив с едой, они погрузились в спокойствие. В камине потрескивали горящие поленья. И весь домик казался надежной твердыней, противостоящей колотившему по крыше и окнам дождю. Каково было расти под этой крышей? Он не мог представить себе этого. И пусть он сделался морфенкиндом, большие леса оставались для него чуждыми и дикими.

Ему всегда очень нравилось, что они не нуждаются в болтовне, что они могут проводить друг с другом целые часы в молчании, что они разговаривают без слов, но что же они молча говорили друг другу сейчас?

Она неподвижно сидела на дубовом стуле, положив левую руку на стол, а правую – на колени. Казалось, что она следила за тем, как он подбирает все без остатка с тарелки (он заметил это только теперь), и еще он почувствовал в ней что-то необычно привлекательное – в очертаниях полных губ и в массе волос, обрамлявших ее лицо.

А потом до него дошло и отозвалось ознобом, пробежавшим по лицу и шее. Почему, ну почему он не понял этого сразу?

– Ты это сделала... – прошептал он. – Приняла Хризму?

Она промолчала. Будто он ничего не сказал.

Да, ее глаза стали темнее и волосы – пышнее, гораздо пышнее, и даже пепельно-русые брови потемнели, так что она теперь казалась не собой, а своей собственной сестрой – очень похожей, но совсем другой, – и даже румянец на ее щеках обрел более глубокий оттенок.

– Боже милостивый... – беззвучно прошептал он. Тут сердце в груди у него затрепыхалось, и он почувствовал тошноту. Именно так он выглядел в чужих глазах перед тем, как свершилась его трансформация, когда окружающие его люди понимали, что с ним «что-то происходит», а он чувствовал себя совершенно оторванным от всех и не испытывал ни малейшего страха.

Неужели она стала такой же чужой ему, как он – своей семье? Нет, быть такого не может. Это же Лаура, Лаура, которая так радостно встретила его, которая сама пригласила его в постель. Он почувствовал, что краснеет. Как же он не сообразил?

Выражение ее лица нисколько, ни капельки не изменилось. Точно так же было и с ним. Он точно так же смотрел, зная, что окружающие чего-то хотели от него, и не мог им этого дать. Но ведь в его объятиях она податливо таяла, как и прежде, и вся отдавалась ему, доверчивая и близкая.

– Разве Феликс тебе ничего не сказал? – спросила она. Теперь он понял, что даже голос у нее переменялся. Тембр стал богаче, и он мог бы поклясться, что и кости ее лица сделались массивнее, хотя это мог быть всего лишь обман, порожденный его испугом.

Он не мог выдавить из себя ни слова. Не знал, каким именно должны быть эти слова. Вдруг его обдало отголоском жара от их недавней любви, и он тут же воспрянул. Он снова хотел ее, но при этом ощущал... тошноту, что ли? Неужели его мутит от страха? Он почувствовал острый приступ ненависти к себе.

– Как ты себя чувствуешь? – заставил себя сказать он. – Может быть, какую-нибудь дурноту? Я хочу сказать, что имеются побочные эффекты...

– Вначале меня подташнивало, – ответила она.

– И ты была тут одна, и никто?..

– Ко мне каждую ночь приезжал Тибо, – сказала она. – Иногда Сергей. А иногда Феликс.

– Черти... – пробормотал он.

– Ройбен, не надо, – сказала она очень простым и искренним тоном. – Ты не должен и мысли допускать, что может случиться что-то дурное. Не должен.

– Я знаю, – чуть слышно отозвался он. Он ощутил нервную дрожь в лице и кистях рук. Надо же – в кистях! Кровь в венах забурлила. – Тебе угрожала какая-нибудь опасность?

– Нет, ровным счетом ничего, – ответила она. – Просто ничего. Они мне все объяснили. Если после Хризмы не бывает серьезных повреждений... Умереть можно, если раны такие, что Хризма не может их пересилить.

– Это я понимаю, – заметил он. – Вот только у нас нет сборника инструкций, где было бы сказано, когда начинать бояться.

Она снова промолчала.

– И когда же ты решилась?

– Почти сразу же, – ответила она. – Я просто не могла устоять. Уговаривать себя, что необходимо все обдумать, взвесить должным образом, было просто бессмысленно. – Ее голос и выражение лица сделались теплее. Это была Лаура, его Лаура. – Я хотела этого и сказала Феликсу, сказала Тибо. – Он разглядывал ее, успешно справившись с порывом снова утащить в кровать. Кожа Лауры выглядела упругой, юной, и, хотя она никогда не производила впечатления увядающей, она сделалась намного краше. Глядя на ее губы, он с трудом преодолевал искушение поцеловать их.

– Я пошла на кладбище, – продолжала она. – Поговорила с отцом. – Говоря это, она смотрела в стороны, видимо, ей было нелегко сказать все это. – Ну... мысленно говорила с отцом, – добавила она. – Знаешь, они все там лежат, сестра, мать, отец. Я говорила с ними. Рассказала им все. Но решение я приняла еще до того, как уехала из Нидек-Пойнта. Я знала, что приду именно к этому.

– А я все время был уверен, что ты откажешься, скажешь «нет».

– Почему? – ласково спросила она. – С чего вдруг ты так решил?

– Сам не знаю, – ответил он. – Потому что ты так много потеряла и могла хотеть намного большего. Потому что ты потеряла детей и могла желать еще одного ребенка, не малыша-морфенкинда, каким бы он ни оказался, а простого ребенка. Или потому, что считал, что ты веришь в жизнь и думаешь, что жизнь сама по себе стоит того, от чего мы ради нее отказываемся.

– Стоит того, чтобы ради нее умереть? – спросила она.

Теперь уже он промолчал.

– Ты говоришь так, будто сожалеешь, – сказала она. – Но мне кажется, что этому суждено было случиться.

– Я совершенно не сожалею, – ответил он. – Не знаю, что я чувствую, но я без труда представлял себе, как ты говоришь «нет». Я представлял себе, что ты захочешь завести новую семью, мужа, любовника и детей.

– Ройбен, до тебя никак не доходит... и, похоже, не дойдет... это же значит, что мы не умрем. – Она сказала это без всякого драматизма, но ее слова сильно задели его за живое; он знал, что это правда.

– Вся моя семья мертва, – негромко и словно бы брюзгливо сказала она. – Вся семья! Мой отец, моя мать; да, они ушли в свое положенное время, но мою сестру убили грабители, напавшие на винный магазин, моих детей не стало... они погибли нелепо и ужасно. О, я никогда не говорила тебе этого, да и сейчас не следовало бы. Терпеть не могу, когда люди хвастают своими страданиями и своими потерями. – Ее лицо вдруг напряглось. А потом его выражение сделалось отсутствующим, как будто она вернулась в давнюю нестерпимую боль.

– Я понимаю, о чем ты говоришь, – сказал он. – Я ничего не знаю о смерти. Ничегошеньки. До той ночи, когда была убита Марчент, среди моих знакомых умер только один человек, брат Селесты. О, еще мои бабушка с дедушкой, но они же были очень старые. А потом Марчент. Я был знаком с Марчент менее суток, и для меня это оказалось потрясением. Я просто ничего не понимал и даже не чувствовал. Это была не смерть, это была катастрофа.

– Не торопись знакомиться с нею в подробностях, – уже заметно мягче сказала Лаура.

– Думаешь, не следует? – Он вспомнил о тех, кого убил, о плохих парнях, которых, не задумываясь, растерзал Человек-волк. И на душе у него стало тяжело оттого, что очень скоро Лаура тоже обретет эту жестокую силу, способность убивать так же, как это делал он, сама оставаясь неуязвимой.

На этот раз он не смог найти нужных слов.

Образы, теснившиеся в его мозгу, навевали зловещую тоску и, казалось, норовили ввергнуть его в депрессию. Он представил себе Лауру на сельском кладбище за беседой с умершими. Подумал о фотографиях ее детей, которые видел мельком. Подумал о ее родных, которые всегда были здесь, а потом – о своем собственном могуществе, о той беспредельной силе, которая давала ему возможность радостно прыгать по крышам, пока голоса уговаривали его отрешиться от человеческой природы и сделаться Человеком-волком, не знающим сомнений в своей целостности и убивающим без сожаления и сострадания.

– Но ведь ты еще не до конца изменилась, верно? Еще не совсем?

– Нет, еще не совсем, – подтвердила она. – Пока что перемены мелкие. – Она вновь неподвижно уставилась в пространство. – Я способна слышать лес, – сказала она с легкой улыбкой. – Способна слышать дождь, как никогда прежде его не слышала. Много узнала. Я знала, что ты едешь сюда, задолго до твоего прихода. Я гляжу на цветы и могу поклясться, что способна увидеть, как они растут, как цветут, как умирают.

Он молчал. То, что она говорила, было очень красиво и все же пугало его. Его пугал даже легкий оттенок таинственности в выражении ее лица. Она смотрела в сторону.

– Ройбен, кажется, какой-то северный бог способен видеть, как растет трава?

– Хеймдаль, – ответил он. – Хранитель врат. Он слышит, как растет трава, и видит за сотни лиг хоть днем, хоть ночью.

Она рассмеялась.

– Да. Я вижу звезды хоть сквозь туман, хоть сквозь густые тучи, вижу такое небо, какого не видит никто другой в этом волшебном лесу.

«Подожди, – следовало сказать ему, – просто подожди, пока изменения не совершатся полностью», – но голос не желал подчиняться ему.

– Я слышу оленей в лесу, – продолжала она. – Да, теперь я способна их слышать. Я даже... даже их запах чуть ли не улавливаю. Очень слабый. Не хочу выдумывать то, чего нет.

– Да, они здесь. Пара, сразу за просекой, – сказал он.

Она снова смотрела на него, смотрела с той же безмятежностью, а он не мог заставить себя встретиться с нею взглядом. Он подумал об оленях, о нежных прекрасных созданиях, но если он не отвлечется от мыслей о них, и как можно скорее, то ему захочется убить и сожрать их обоих. Как она будет ощущать себя, когда такое случится с нею, когда она будет способна думать лишь о том, как вонзить клыки в шею оленя и выдрать из его груди еще бьющееся сердце?

Он будто со стороны осознал, что она движется, что она встала со стула и пошла к нему вокруг стола. Легкий, чистый аромат ее кожи неожиданно взбудоражил его мысли, и занимавший их лес вдруг потускнел и отступил. Она опустила на свободный стул справа от него, а потом подняла руку и приложила ладонь к его щеке.

Он медленно повернул голову и встретился с нею взглядом.

– Ты боишься, – сказала она.

Он кивнул.

– Да, боюсь.

– И не скрываешь этого.

– Это хорошо?

– Я тебя очень люблю, – сказала она. – Очень. Лучше так, чем говорить всякие правильные вещи насчет того, что ты теперь понимаешь, что у нас будет единая судьба, что ты не потеряешь меня, как могло бы случиться в ином случае, что я скоро стану неуязвима для всего того, что не может повредить тебе.

– Так я и должен бы сказать, так я должен думать.

– Возможно. Но, Ройбен, ты не обманываешь меня ни в чем, кроме того, в чем обязан это делать, ты ненавидишь тайны, они причиняют тебе боль.

– Это так. Но ведь мы с тобой, Лаура, теперь стали тайной, строжайшей тайной. Очень опасной тайной.

– Посмотри на меня.

– Я стараюсь.

– Просто скажи мне все, и пусть себе витает.

– Ты и сама знаешь, в чем дело, – сказал он. – Когда я пришел сюда в ту первую ночь, когда бродил Человеком-волком в высокой траве и увидел тебя, ты была таким нежным невинным существом, чистейшей воды человеком и женщиной, потрясающе беззащитной, когда стояла на крыльце, и...

– И не боялась.

– Да, но ты была хрупкой, невероятно хрупкой, и даже когда я влюбился в тебя, я за тебя очень боялся, что ты вот так же откроешь дверь чему-то вроде меня. Ты ведь на самом деле не знала, что я собой представляю. Понятия не имела. Ты думала, что я просто одичавший бродяга – ты же думала именно так, да? – обитатель лесной чащи, которому нет места в городах. Ведь так, помнишь? Ты выдумала сказку обо мне. Я хотел укрыть тебя от всех бед мира, защитить тебя, спасти тебя от себя самой, спасти тебя от меня! – от твоей опрометчивости... Разве то, что ты меня пригласила, не было самой настоящей опрометчивостью?

Она, казалось, задумалась, будто что-то мысленно взвешивала. Потом открыла было рот, но промолчала.

– Я хотел всего лишь отвлечь тебя от твоей боли, – продолжал он. – И чем больше я узнавал о твоей боли, тем сильнее мне хотелось уничтожить ее. Но, естественно, я не мог этого сделать. Я мог лишь подвергнуть тебя опасности, вовлечь тебя в страшную тайну.

– Я хотела окунуться в нее, – сказала она. – Я хотела тебя. И хотела приобщиться к этой тайне, скажешь, нет?

– Но я не был первородным лесным зверем. Не был невинным волосатым человеком из легенд. Я был Ройбеном Голдингом, охотником, убийцей, Человеком-волком.

– Я знаю, – сказала она. – И любила тебя таким все время, пока ты не открылся мне. Разве не так?

– Так. – Он вздохнул. – В таком случае чего же я боюсь?

– Что ты не будешь так же любить морфенкинда, в которого я превращусь, – просто сказала она. – Значит, ты перестанешь любить меня, когда я стану такой же сильной, как и ты.

Он не нашелся с ответом. Посидел, с шумом втянул воздух сквозь сжатые губы.

– А что Феликс и Тибо? Они знают, как определить полное превращение?

– Нет. Но сказали, что это случится скоро. – Она немного помолчала и, не дождавшись от него ответа, продолжила: – Ты боишься, что перестанешь любить меня, что я не буду больше тем нежным, беззащитным человечком, которого ты обнаружил в этом доме.

Он снова не знал, что ответить, и ненавидел себя за это.

– Ты не можешь радоваться за меня, радоваться тому, что я разделю этот Дар с тобой, да?

– Я стараюсь, – сказал он. – Честно, я стараюсь.

– С того мгновения, когда ты влюбился в меня, ты страдал из-за того, что не можешь поделиться им со мною. Сам ведь знаешь, что это так. Мы же говорили об этом, а когда и не говорили, все равно помнили – что я могу умереть, а ты не можешь поделиться со мной этим Даром, потому что боишься, что убьешь меня, что может случиться так, что мне так и не удастся разделить его с тобой. Мы же говорили об этом. Было дело?

– Лаура, это я знаю. Ты в полном праве негодовать на меня. Разочароваться во мне. Видит бог, наверно, судьба у меня такая – разочаровывать людей.

– Ничего подобного, – возразила она. – Не говори таких вещей. Если ты имеешь в виду свою мать и эту кошмарную Селесту, что ж, отлично, ты разочаровал их тем, что оказался намного разумнее, чем они ожидали, и не купился на их безжалостный мир с его всепоглощающими амбициями и тошнотворным самопожертвованием. Разочаровал их? Вот и прекрасно!

– Хм-м-м... – чуть слышно протянул он. – Никогда прежде не слышал от тебя таких речей.

– Ну, я же теперь не несчастная Красная Шапочка, верно? – рассмеялась она. – Серьезно, они же не знают, что ты собой представляешь. А я знаю, и твой отец знает, и Феликс знает, и меня ты не разочаровываешь. Ты любишь меня. Ты любишь меня, какой я была, и боишься утратить того человека. Такие вещи не разочаровывают.

– Мне кажется, что должны.

– Ты же обо всем знал только теоретически, – ответила она. – То, что ты можешь поделиться Даром со мною, что, хотя ты и выжил, я все же могу умереть. Даже не теория, а догадки. Так уж получилось. У тебя все произошло слишком быстро.

– Это правда, – согласился он.

– Послушай, я не жду от тебя ничего такого, чего ты не можешь дать, – сказала она. – Только позволь мне. Позволь мне присоединиться к вам, даже если мы с тобой и не сможем потом быть любовниками. Позволь мне это, позволь мне обрести то же свойство, которое есть у тебя, у Феликса, у Тибо, у...

– Ну, конечно, да. Неужели ты думаешь, что кто-то позволит мне остановить тебя? И неужели тебе хоть на минуту показалось, что я так поступлю? Лаура!

– Ройбен, вряд ли найдется хоть один мужчина, который не испытывал бы чувства собственника по отношению к любимой женщине, который не желал бы распоряжаться и своим отношением к ней, и по своей воле открывать ей доступ к себе самому и к своему миру.

– Лаура, я все это знаю...

– Ройбен, ты не можешь равнодушно относиться к тому, что они мне дали Хризму, не спросив твоего согласия, что они приняли решение насчет меня и вместе со мною, совершенно не рассматривая при этом меня как часть тебя. И свое решение я принимала точно так же.

– Так и должно было быть, Госпо...

Он осекся.

– Мне не нравится то, что я узнаю о себе, – сказал он. – Но тут дело касается жизни и смерти, и решать можешь только ты. И, кстати, неужели ты думаешь, что я выдержал бы, если бы они отнеслись к тебе как к моей собственности, и согласился бы решать за тебя?

– Нет, я так не думаю. Но чувства не всегда подчиняются разуму.

– Как бы там ни было, я люблю тебя, – сказал он. – И приму твое изменение. И любить тебя после него буду не меньше, чем люблю сейчас. Может быть, мои чувства и не очень прислушиваются к разуму. Но им прямо и недвусмысленно приказываю.

Она рассмеялась. И он против воли присоединился к ней.

– А теперь рассказывай. Почему ты здесь одна, если изменение может произойти в любой момент?

– Я не одна, – сказала она. – Сейчас здесь Тибо. Он появился еще засветло. Он на улице, ждет, пока ты уедешь. Он будет со мною каждую ночь, пока все не разрешится.

– Ну а почему бы тебе сейчас не поехать домой? – спросил он.

Она ничего не ответила. Лишь отвела взгляд, как будто прислушивалась к звукам леса.

– Давай вернемся вместе. Соберем вещи и уедем отсюда.

– Ты очень решительный, – негромко сказала она. – Но я хочу покончить с этим делом здесь. Ты ведь сам знаешь, что так будет лучше для нас обоих.

На это он не мог возразить. Не мог не признаться себе, что до ужаса боится, что ее преобразование может начаться прямо сейчас, когда они сидят здесь. Он даже мысли об этом не мог перенести.

– С Тибо ты в надежных руках, – сказал он.

– Конечно, – ответила она.

– Если бы это оказался Франк, я растерзал бы его голыми когтями.

Она улыбнулась, но ничего не возразила.

Он ведет себя смешно, да? В конце концов, разве Дар – когда бы он ни получил его, – не придал Тибо неиссякаемых сил и энергии? Какая на самом деле разница между этими двумя? Один похож на пожилого ученого, а второй – на Дон Жуана. Однако они оба полноценные морфенкинды, и это факт. И все же Тибо наделен благородством старости, а Фрэнк навсегда остался таким, каким был. Тут Ройбена ошарашило: она ведь навсегда останется такой же прекрасной, как сейчас, а он, *он сам*, никогда не постареет, не станет выглядеть или казаться старше, чем сейчас, – никогда не станет мудрым и беззащитным человеком вроде собственного отца. Он обретет ту юность, которой Китс наделил свою греческую вазу.

Как он мог упустить такое из виду и что оно должно означать для нее и может означать для него? Как получилось, что его не трансформировало само это открытие, это тайное знание. Да, она была права: для него все это чистая теория.

А она – *знала*. Она всегда целиком и полностью знала суть этого. Она пыталась и его заставить осознать это, а когда это наконец случилось, ему стало еще сильнее стыдно за свой страх перед ожидающей ее переменой.

Он поднялся и направился в спальню. У него кружилась голова, его чуть ли не клонило в сон. Дождь совсем разошелся и громко стучал по крыше. Ройбену не терпелось двинуться в дорогу, помчаться сквозь тьму на север.

– Не будь здесь Тибо, я обязательно остался бы, – сказал он, переодеваясь в свое, поспешно застегивая рубашку и натягивая куртку.

Потом он повернулся к ней; к его глазам подступили слезы.

– Ты вернешься домой, как только сможешь, – утвердительно сказал он.

Она обхватила его руками за шею, и он обнял ее так крепко, насколько хватило смелости, зарылся лицом в ее волосы, снова и снова целовал ее мягкие щеки.

– Я люблю тебя, Лаура, – сказал он. – Люблю всем сердцем. Всей душой. Я молодой и глупый и не все еще понимаю, но я люблю тебя и хочу, чтобы ты вернулась домой. Не знаю, что я могу предложить тебе такого, чего не могут другие, тем более что они сильнее, красивее, несравненно опытнее...

– Перестань. – Она прикоснулась пальцами к его губам. – Ты моя любовь, – прошептала она. – Моя единственная любовь.

Он вышел в заднюю дверь, по ступенькам спустился под дождь. Неподалеку непроницаемой стеной тьмы возвышался лес; лишь мокрая трава блестела в свете, падавшем из дома. Дождь обжигал Ройбена, и он сразу возненавидел его.

– Ройбен, – сказала ему в спину Лаура. Она стояла на крыльце, точно так же, как и в первый раз. Рядом с нею на скамейке стояла старомодная, в стиле Дикого Запада, керосиновая лампа, но она не была зажжена, и он мог разглядеть лишь абрис лица.

– Что случилось?

Она спустилась по лестнке под дождь.

Он не удержался и снова обнял ее.

– Ройбен, эта ночь... Ты должен понять. Мне все равно, что случится со мною. Совершенно все равно.

– Я знаю.

– Мне все равно, выживу я или умру. Безразлично. – Дождь стекал по ее волосам, капли хлестали по запрокинутому лицу.

– Я знаю.

– Не знаю, что ты можешь знать, – сказала она. – Ройбен, я никогда не сталкивалась с паранормальными явлениями, экстрасенсорикой, сверхъестественным. Никогда. Не знала предчувствий, не видела пророческих снов. Ройбен, мне никогда не являлись призраки отца, или сестры, или мужа, или детей. Ни разу они своим присутствием не подарили мне ни минуты душевного покоя. Ни разу у меня не появилось ни малейшего подозрения, что они где-то существуют. Я никогда не подозревала, что правила существования обычного мира могут быть нарушены. Ведь до твоего появления я там и жила – в обычном мире.

– Я понимаю, – сказал он.

– Ты был чудом, легендой, чем-то чудовищным и в то же время сказочным, радио, телевидение и газеты говорили только о тебе, о Человеке-волке, немыслимом существе, галлюцинации, химере... не знаю, какие еще слова подобрать – и все это о тебе, о тебе, – а ты был совершенно реальным, я видела тебя и прикасалась к тебе. И мне было все равно! Я не собиралась отступать. Мне было все равно.

– Я тебя понимаю. Все время понимал.

– Ройбен, теперь мне хочется жить. Хочу быть живой. Разве ты не видишь – я всеми фибрами своего существа хочу быть живой, и, ради тебя и меня, это и есть жизнь.

Он совсем было решил взять ее на руки и внести обратно в дом, но она сама отступила и вскинула руки к лицу. Ночная рубашка на ней совсем промокла и облегла грудь, прядки волос влажно темнели на лице. Ройбен сам продрог до костей, но это было не важно.

– Нет, – сказала она, отступив, но продолжая крепко сжимать отвороты его куртки. – Послушай, что я скажу. Ройбен, я ни во что не верю. Я не верю, что когда-нибудь снова увижу отца, или моих детей, или мою сестру. Я думаю, что они ушли навсегда и без возврата. Но я хочу быть живой. А для меня это значит, что мы не умрем.

– Я понимаю, – сказал он.

– Теперь мне не все равно, ты понимаешь?

– Да, – ответил он. – И, Лаура, я хочу понять больше. И пойму больше. Обещаю тебе. Так и будет.

– А теперь иди, пожалуйста, – сказала она. – А я скоро вернусь домой.

По пути к автомобилю он прошел мимо Тибо. Дородный и внушительный Тибо в блестящем черном плаще и с зонтиком, большим черным зонтиком, стоял под могучей дугласовой пихтой; возможно, Тибо кивнул ему, но он этого не заметил. Он просто сел в машину и поехал на север.

2

Домой он добрался к десяти часам; в доме было радостно, в воздухе витал густой приятный запах гирлянд из вечнозеленых растений, которыми были оплетены снаружи камин, где, как обычно, горел огонь, и в главных залах радостно сияло множество светильников.

Феликс, Маргон и Стюарт, сидя за обеденным столом, наскоро обсуждали планы на предстоящие Святки; перед ними лежали какая-то карта или схема на листе оберточной бумаги, пара желтых блокнотов и авторучки. Джентльмены щеголяли в пижамах и халатах с шелковыми отворотами, по моде Старого Света, а Стюарт был в своей любимой темной фуфайке и джинсах. Он выглядел точь-в-точь как добропорядочный американский подросток, случайно попавший в эпизод из фильма Клода Рейнса.

Увидев эту сцену, Ройбен тайком улыбнулся. Ему было очень приятно видеть их такими оживленными, такими счастливыми при ярком свете, приятно было обонять аромат чая и кексов и все те запахи, которые теперь ассоциировались у него с домом – воска, полироля, дубовых дров, горящих в каминах, и, конечно, свежий запах дождя, которому всегда удается пробраться в этот большой дом, этот дом с его сыроватыми темными закоулками, который впускал в себя очень многих, но очень мало кого принимал по-настоящему.

Пожилой камердинер, француз Жан-Пьер, принял у Ройбена мокрый плащ и тут же поставил для него на стол чашку чая.

Ройбен сидел молча, рассеянно попивал чай, думал о Лауре, вполуха слушал, изредка кивая, разговор о планах на Рождество и почти не замечал, что Феликс, увлеченный новым занятием, просто лучится радостью.

– Вот, Ройбен, ты и дома, – бодро воскликнул Феликс, – и пришел как раз вовремя для того, чтобы услышать о наших грандиозных планах, одобрить их и дать нам свое дозволение и благословение. – Он пребывал в своем обычном блеске, его темные глаза сверкали добродушным юмором, глубокий голос был исполнен ненаигранного энтузиазма.

– Дома, но смертельно устал, – сознался Ройбен. – И заснуть все равно не смогу. Возможно, эта ночь как раз подходит для того, чтобы мне побыть одиноким волком, Ужасом Мендосино...

– Нет, нет, нет, – негромко возразил Маргон. – У нас ведь так хорошо все получается, когда мы вместе, не правда ли?

– Вы хотите сказать – когда мы вас слушаемся, – уточнил Стюарт. – А может быть, нам с Ройбеном как раз и стоит сегодня выбраться вдвоем и поискать неприятностей, как и положено волчатам? – И он, немножко сильнее, чем нужно, стукнул Маргона кулаком по руке.

– Разве я не говорил вам, мальчики, – осведомился Маргон, – что в этом доме есть подземная темница?

– Ну, да, с цепями и всем прочим, – подхватил Стюарт.

– Именно так, – кивнул Маргон и, прищурившись, взглянул на Стюарта. – Как положено, мрачная, сырая и, вообще, ужасная. Не хочешь пожить там некоторое время?

– Только если мне дадут с собой мое одеяльце и ноутбук, – ухмыльнулся Стюарт, – и будут кормить вовремя. Я не прочь был бы немного отдохнуть.

Маргон снова насмешливо рыкнул, покачал головой и прошептал:

– Они меня обходят стороной – те, что, бывало, робкими шагами...³

³ Цитата из стихотворения Т. Уайетта «Влюбленный рассказывает, как безнадежно он покинут теми, что прежде дарили ему отраду». Пер. Г. Кружкова.

– О, только не надо этих тайных переговоров на языке поэзии! – взмолился Стюарт. – Я их не переносу. Здесь столько поэзии, что у меня дух захватывает.

– Джентльмены, джентльмены... – вмешался Феликс. – Пусть все будет весело, бодро и в духе праздника.

Он пристально взглянул на Ройбена.

– Кстати о темнице. Я хотел показать тебе скульптуры для вертепа. Это Рождество будет прекрасным, если, конечно, позволит молодой владелец дома.

И он тут же ударился в пояснения. Шестнадцатое декабря – за две недели до Рождества – будет прекрасной датой для того, чтобы устроить рождественский фестиваль в Нидеке, а здесь, в доме, – прием для всех жителей округа. С наступлением темноты киоски и магазины в «деревне» – так Феликс обычно называл город – закроются, и все смогут прийти в Нидек-Пойнт на вечерний праздник. Конечно, должны прийти родственники Ройбена и Стюарта и их старые друзья, которых они захотят пригласить. В такое время стоит вспомнить всех. А отец Джим может привезти из Сан-Франциско своих «несчастных», для них можно даже заказать автобус.

Конечно, будет приглашен шериф и все служащие правопорядка, которые обследовали этот дом так недавно, в ту ночь, когда таинственный Человек-волк напал здесь на двоих русских докторов. И репортеров тоже пригласят.

Есть и большие тенты, чтобы прикрыть террасу, столы и стулья, керосиновые обогреватели-жаровни и сколько угодно мигающих ламповых гирлянд.

– Представьте себе эту дубраву, – разглагольствовал Феликс, указывая на лес за окном столовой, – всю расцвеченную огнями, на каждой ветке по несколько лампочек, дорожки густо усыпаны опилками, повсюду гуляют ряженные, естественно, на передней террасе хор мальчиков и оркестр, и красивый вертеп, и множество столов и стульев. О, это будет просто великолепно. – Он указал на схему, кое-как начерченную на оберточной бумаге. – Конечно, банкет будет должным образом сервирован в этом зале и продлится от наступления темноты до десяти вечера. Но мы поставим во всех узловых точках стойки с глинтвейном, медовухой, крепкими напитками, закусками на любой вкус, и весь дом будет открыт для окрестных жителей, каждый из которых сможет наконец-то осмотреть и гостиные, и спальни таинственного Нидек-Пойнта. И загадочного «старого замка», где зверствует Человек-волк, не останется. Нет, пусть мир смотрит. «Добро пожаловать, судьи, конгрессмены, учителя, банкиры... добрые жители Северной Калифорнии! Вот в этой гостиной пресловутый Человек-волк учинил кровопролитие, а через это окно в библиотеке выскочил в ночь». Ну, молодой хозяин, как по-твоему? Стоит все это делать?

– Он намеревается накормить все побережье, – торжественно произнес Маргон, – от южного Сан-Франциско до самого Орегона.

– Феликс, это ваш дом, – сказал Ройбен. – По-моему, план великолепный. – План действительно казался великолепным. И совершенно немыслимым. Ему хотелось расхохотаться.

Ему вдруг вспомнилось, как Марчент со счастливой улыбкой рассказывала о том, насколько «дядя Феликс» любил развлечения, и сейчас его так и подмывало разделить с Феликсом эту любовь.

– Я знаю, что моя племянница погибла совсем недавно, – сказал Феликс, вдруг сразу погрузнев. – Все время помню об этом. Но я не желаю, чтобы из-за этого все мы в наше первое Рождество сидели в тоске и унынии. И моя любимая Марчент ни за что не захотела бы такого.

– Феликс, калифорнийцы не предаются скорби, – сказал Ройбен. – По крайней мере, я никогда такого не видел. И не могу представить себе, чтобы Марчент была этим недовольна.

– Я думаю, она всем сердцем одобрила бы этот план, – сказал Маргон. – А идея о том, чтобы под видом отдыха скопом запустить сюда прессу, просто гениальна.

– О, это у меня далеко не главная цель, – ответил Феликс. – Я хочу устроить большой праздник, настоящее торжество. Дому необходимо проникнуться новой жизнью. Он снова должен сиять.

– Кстати, о вертепе... вы ведь говорите о композиции с Иисусом, Марией и Иосифом, верно? Но вы, по-моему, не верите в христианского Бога... – сказал Стюарт.

– Безусловно, нет, – ответил Феликс, – но ведь у местных жителей принято отмечать зимний солнцеворот именно так.

– Но разве это не ложь? – вскинулся Стюарт. – Ну, то есть разве мы не должны освободиться от лжи и суеверий? Разве это не обязанность всех разумных существ? А ведь мы именно такие и есть.

– Нет, сказать, что все это ложь, будет неправильно, – сказал Феликс. Для внушительности он понизил голос, как будто осторожно намекал Стюарту на то, что не следует так резко судить сразу обо всем. – Традиции редко лгут, традиции – это отражение глубинных верований и обычаев народа. В них, в самой их природе, имеется собственная истина.

Стюарт, склонив голову, со скептической миной уставился на него голубыми глазами. Это выражение на мальчишеском веснушчатом лице всегда делало его похожим на мятежного херувима.

– Мне легенда о Рождестве кажется очень выразительной, – продолжал Феликс. – И всегда казалась. Я много думал об этом. Христианский Бог прежде всего изумительный символ вечного возрождения. А ведь в день зимнего солнцеворота мы именно это и празднуем. – В его голосе прорезалось нечто вроде благоговения. – Суть этого праздника – славное рождение Бога в самую темную ночь года.

– Хм-м-м... – с легкой насмешкой фыркнул Стюарт. – Если так, то, пожалуй, дело и не сводится к рождественским украшениям и грому хоралов из динамиков в торговых центрах.

– И никогда не сводилось, – вмешался Маргон. – Даже все нынешние ухищрения, которыми магазины заманивают покупателей, несут в себе отражение и древних языческих, и христианских начал, сплетенных воедино.

– В вас, ребята, до отвращения много оптимизма, – с величайшей серьезностью заметил Стюарт.

– Что тебе не нравится? – осведомился Маргон. – То, что мы не жуем наши сетования по поводу страшных тайн? А с какой стати? Мы живем в двух мирах. Так всегда было.

Стюарт явно растерялся, даже расстроился, но все же продолжал гнуть свое.

– Может быть, я не хочу больше жить в старом мире, – заявил он. – Может быть, я думаю о том, чтобы навсегда развязаться с ним.

– Мы имели в виду совсем не это, – отозвался Маргон. – Ты не даешь себе труда подумать.

– Я целиком и полностью за, – сказал Ройбен. – В прошлом меня всегда раздражали все эти хоралы, гимны, ясли и все прочее, потому что я никогда во все это не верил, но при таком подходе... что ж, я вполне могу с этим смириться. К тому же это понравится людям – я имею в виду все в целом. Мне еще не доводилось видеть рождественских праздников вроде тех, какие вы затеяли. Откровенно говоря, я вообще редко участвовал в рождественских развлечениях любого рода.

– Да, им это понравится, – согласился Маргон. – И всегда нравилось. Феликс умеет приводить их в восторг и делать так, чтобы им каждый год хотелось приходить сюда.

– Все пройдет наилучшим образом, – сказал Феликс. – Времени у меня достаточно, вполне достаточно, и денег на первый раз жалеть не будем. А к будущему году нужно будет подготовиться более тщательно. Кстати, на этот раз можно будет пригласить не один, а два

или три оркестра. Один, небольшой, можно будет поместить в дубраве. И, конечно, прямо в этом зале, в углу, будет играть струнный квартет. Если удастся прикинуть, сколько будет детей...

– Ладно, понял: *noblesse oblige*, – сказал Стюарт, – но я больше думаю о том, как быть морфенкиндом, а не о смешивании эггногов для старых приятелей. И, действительно, как все это связано с жизнью морфенкиндов?

– Это я могу объяснить тебе прямо сейчас, – резко бросил Маргон, недовольно сверкнув глазами на Стюарта. – Праздник, как сказал Феликс, состоится за две недели до рождественского сочельника. Он будет очень кстати для того, чтобы ублажить ваших уважаемых родственников по части праздничных традиций. И даже больше того. У них останутся прекрасные воспоминания. А вот двадцать четвертого декабря здесь не должно быть никого, кроме нас, чтобы мы могли отпраздновать Йоле, ночь зимнего солнцестояния, как мы всегда это делаем.

– Это уже интереснее, – заметил Стюарт. – Но что же именно мы делаем?

– Пора тебе кое-что показать, – сказал Феликс. – Если идти от дома на северо-восток, то минут через десять ты попадешь на старую поляну. Она окружена большими, даже очень большими камнями. Между ними насквозь протекает небольшой ручеек.

– Я знаю это место, – сказал Ройбен. – Оно похоже на примитивную крепость. Мы нашли его с Лаурой. Поначалу мы не хотели перелезать через валуны, но потом нашли проход. Это место нас очень заинтересовало. – Перед ним как наяву возникла картина: солнечный свет, пробивающийся сквозь полог листвы, побеги, выросшие на старых пнях, толстый ковер прелых листьев под ногами и глубоко сидящие в земле серые замшелые валуны неправильной формы. Они нашли там дудочку, маленькую деревянную дудочку, очень миленькую. Он и подумать не мог, что она на что-то годится. А Лаура, конечно же, поняла, что годится. Она вымыла ее в ручье и сыграла несколько нот. Нет, даже коротенькую мелодию. Он вдруг услышал этот слабый жалобный звук, а Феликс между тем продолжал:

– Так вот, там мы много лет справляли наши обряды. – Он поглядывал то на Стюарта, то на Ройбена и говорил, как всегда, спокойно и убедительно. – От наших старых праздничных костров теперь не осталось и следа. Но именно туда мы приходим, собираемся в круг, пьем мед и танцуем.

– И косматые будут скакать там, – печальным тоном произнес Маргон.

– Я слышал эту фразу, – сказал Стюарт. – Вот только где? Звучит до ужаса зловеще, аж мурашки по коже. Мне нравится.

– Название рассказа, – подсказал Ройбен, – и очень навязчивая строка.

– Копай глубже, – улыбнулся Феликс. – Перелистай старинную Реймско-Дуэйскую Библию.

– Ну, конечно! – воскликнул Ройбен. – Конечно. – И он процитировал по памяти: – «Но будут обитать в нем звери пустыни, и дома наполнятся змеями, и страусы поселятся, и косматые будут скакать там. И будут переключаться совы меж собой, и сирены в увеселительных домах».

Феликс коротко, одобрительно хохотнул; секундой позже его поддержал Маргон.

– Ну да, вы всегда приходите в восторг, когда гений умудряется распознать какую-нибудь заковыристую цитату! – сказал Стюарт. – Юное дарование снова попадает в цель! Ройбен, светило морфенкинского детского сада!

– Учись у него, Стюарт, – сказал Маргон. – Он читает, запоминает и понимает. Он знаком с поэзией стародавних веков. Он думает. Он медитирует. Он растет над собой!

– Да-да, – подхватил Стюарт. – И Ройбен вовсе не живой парень, а картинка с обложки «Джентльменс куотерли».

– Вот тоска! – сказал Ройбен. – Надо было мне, после того как ты пришиб своего отчима, оставить тебя в том лесу под Санта-Розой.

– Нет, не надо было, – отозвался Стюарт. – Ты же знаешь, старина, что я шучу. А если серьезно: ты, наверно, какой-нибудь секрет знаешь, как запоминать такие вещи? У тебя в мозгах библиотечный каталог, да?

– У меня в голове компьютер, точно как и у тебя, – ответил Ройбен. – Мой отец – поэт. И он часто читал мне Книгу Исаяи, когда я был маленький.

– Исаяи!.. – с почти натуральным испугом повторил Стюарт. – Не Мориса Сендака или «Винни-Пуха»? Ну, если так, ты просто не мог не стать Человеком-волком и тебя нельзя мерить обычной меркой.

Ройбен усмехнулся и покачал головой. Маргон негромко, но с явным неодобрением рыкнул.

– Детский сад для морфенкиндов, – сказал он. – Нет, мне это нравится!

Феликс не обращал на разговор ни малейшего внимания. Он продолжал изучать чертежи и списки своих планов рождественского праздника.

Ройбен постепенно начинал представлять себе будущий праздник, и у него начало теплеть на душе. Точно так же он проникался теплом по отношению к дому, по мере того как узнавал его.

– Исаяя! – продолжал между тем язвить Стюарт. – И потому, что так сказал Исаяя, вы, бессмертные безбожники, станете танцевать в кругу?

– Не прикидывайся дурачком, – посоветовал ему Маргон. – Ты совершенно ничего не понял. Мы танцевали в своем кругу в ночь зимнего солнцестояния задолго до того, как Исаяя появился на свет. А в предстоящую ночь мы будем оплакивать Маррока, которого больше нет с нами – одного из нас, которого больше с нами нет, – и примем в свое общество – официально – тебя, Ройбена и Лауру.

– Погодите минутку, – сказал Стюарт, вырвав Ройбена из задумчивости. – Значит, Лаура все же решилась? Она будет с нами! – Он откровенно обрадовался. – Ройбен, что же ты молчал?

– Хватит на сегодня, – с обычной мягкостью сказал Феликс и поднялся из-за стола. – Ройбен, ты пойдешь со мною. Как хозяин дома ты должен получше познакомиться с погребками.

– Я тоже хочу посмотреть, какие там темницы и казематы! – воскликнул Стюарт.

– А ты сиди! – грозно, хотя и негромко, прикрикнул на него Маргон. – И смотри сюда. У нас еще много работы с этими планами.

3

Несмотря на усталость, Ройбен охотно согласился осмотреть подвалы и зашагал вслед за Феликсом по ступенькам. Они быстро миновали помещение со старыми печами и попали в первый из проходов, образующих лабиринт, который заканчивался туннелем, уходящим во внешний мир.

За последнюю неделю электрики сделали проводку под низкими потолками и в части таинственных комнат, но работы еще далеко не были закончены. К тому же, по словам Феликса, некоторые помещения следовало оставить без электрического освещения.

Тут и там в нишах и шкафах, расположенных между запертыми дверями, стояли керосиновые лампы и лежали электрические фонари; следуя за Феликсом, Ройбен осознал, что понятия не имеет, насколько широко и далеко тянутся эти катакомбы. На грубо оштукатуренных стенах тут и там поблескивала вода. Углубившись вслед за Феликсом на совершенно незнакомую территорию, Ройбен насчитал по обеим сторонам узкого коридора самое меньшее десять дверей.

Феликс, державший в руке большой электрический фонарь, остановился перед дверью с цифровым замком.

– В чем дело? Что тебя тревожит? – спросил он и положил твердую ладонь на плечо Ройбена. – Тебя что-то расстроило. Что случилось?

– Да ничего не случилось, – буркнул Ройбен. Он, с одной стороны, обрадовался тому, что дело дошло до его тревог, а с другой стороны, ему было немного стыдно. – Все идет так, как решила Лаура, и вы наверняка это знаете. А я не знал. Я сегодня был у Лауры. Я истосковался по ней и сам не понимал, почему так сильно хочу, чтобы она вернулась домой, и почему так тревожусь о том, что с нею происходит. Я был готов силой притащить ее сюда или сбежать.

– Ты действительно не понимаешь? – спросил Феликс. Его темные глаза глядели на Ройбена с сочувствием и немного покровительственно. – А ведь все очень просто. И ты не должен упрекать себя, ни в коем случае не должен.

– Феликс, вы всегда добры, – сказал Ройбен, – добры и заботливы, а у меня на кончике языка крутится столько вопросов о том, кто вы такие и что вам известно...

– Понимаю, – ответил Феликс. – Но, по большому счету, важно лишь то, чем мы сейчас являемся. Послушай, я с первой нашей встречи полюбил тебя как сына. И если бы считал, что тебе будет полезно узнать историю моей жизни, то рассказал бы ее тебе в подробностях. Но тебе это совершенно не поможет. Ты должен пережить все это сам.

– Почему я не радуюсь за нее, – спросил Ройбен, – не радуюсь тому, что она получит такую же силу, узнает те же тайны? Что со мною не так? Как только я понял, что люблю ее, я захотел передать ей Хризму. Я даже не знал тогда этого слова. Но я знал, что она может передаваться, что ею можно поделиться, и хотел этого...

– Естественно, – сказал Феликс. – Но ведь она для тебя не просто личность, она твоя возлюбленная. – Он замялся на мгновение. – Женщина. – Он повернулся к небольшому цифровому замку и, зажав фонарь под мышкой, быстро набрал код. – Ты воспринимаешь ее как свою собственность, иначе и быть не может. – Он приоткрыл дверь, но оставался на месте. – А теперь она стала одной из нас и вырвалась из твоих рук.

– Именно так она и сказала, – ответил Ройбен. – И я знаю, что должен радоваться тому, что она вырвалась из моих рук, что ее приняли без всяких условий, что к ней относятся как к целиком и полностью независимой личности...

– Да, конечно, ты должен радоваться, но ведь она твоя супруга!

Ройбен промолчал. Он снова увидел перед собой Лауру возле ручья, с маленькой деревянной дудочкой, на которой она потом играла – неуверенно играла жалобную мелодию, похожую на короткую молитву.

– Я понимаю тебя, – продолжил Феликс. – Ты наделен исключительной способностью к любви. Я видел это, чувствовал это, знал это еще во время нашего первого разговора в юридической фирме. Ты любишь своих родных. Любишь Стюарта. И глубоко любишь Лауру, и если тебе почему-то станет неважно находиться с нею... что ж, ты и это примешь с любовью.

Ройбен отнюдь не был в этом уверен и вдруг почувствовал себя совершенно обескураженным от количества имеющихся и возможных впереди трудностей. При мысли о Тибо, неподвижно и безмолвно стоявшем в темноте, в нем вспыхнула бешеная ревность, ревность к тому, что Тибо дал ей Хризму, ревность к тому, что Тибо, с первой встречи не скрывавший симпатии к ней, может теперь оказаться к ней гораздо ближе, чем когда-либо был Ройбен...

– Пойдем, – сказал Феликс. – Я хочу показать тебе статуи.

Они вошли в холодное помещение. Широкий желтый луч фонаря ложился на белую облицовочную плитку. Она покрывала даже потолок. В глаза Ройбену сразу бросились несколько массивных беломраморных фигур очень тонкой работы, с барочной вычурностью пропорций и одеяний, не уступавших пышностью ни одной из итальянских скульптур, которые ему доводилось видеть. Они, вне всякого сомнения, попали сюда из какого-то заокеанского палаццо шестнадцатого века или, может быть, церкви.

У него перехватило дух. Феликс держал фонарь, а Ройбен исследовал статуи, осторожно стирал пыль с потупленных глаз Богоматери, ее щек. Даже в знаменитой вилле Боргезе он не видел ни одной скульптуры, где жизнь была бы столь пластично воплощена в камне. Над ним нависал высокий бородатый Иосиф, а может быть, один из пастухов? Рядом стояли агнец и вол – тоже искуснейшей работы, – а потом Феликс неожиданно перевел луч света на троих важных и величественных Царей-волхвов.

– Феликс, это же настоящие сокровища, – прошептал Ройбен. До чего же жалкими были все его прежние представления о вертепе для Рождества.

– Должен заметить, что они не выходили на террасу к Рождеству почти сто лет. Моя драгоценнейшая Марчент никогда их не видела. Ее отец недолго любил подобные развлечения, а я слишком часто проводил зимы в других концах света. Мне ужасно надоело прикидываться своим собственным смертным потомком. Но на это Рождество они предстанут публике со всем подобающим антуражем. Я уже заказал плотникам интерьер хлева. В общем, увидишь. – Он почему-то тяжело вздохнул.

Луч фонаря пробежал по громадной фигуре богато украшенного верблюда, потом – осла с большими нежными глазами... они были так похожи на глаза зверей, которых Ройбен мог перечислить в памяти, широко открытые, кроткие, безответные глаза тех животных, которых он убивал. Его вдруг пробрала дрожь – он снова подумал о Лауре и запахе оленей, находившихся неподалеку от ее дома.

Он протянул руку и коснулся изящных пальцев Девы Марии. Затем фонарь осветил фигуру Младенца Христа с сияющим улыбкой лицом, растрепанными волосиками и радостно смеющимися глазами, лежавшую с простертыми руками на мраморной соломе.

Глядя на Христа, Ройбен почувствовал боль, страшную боль. С тех пор когда крохи веры во все это придавали ему энергии, прошло много, очень много времени, ведь правда? Тогда он был маленьким мальчиком и, глядя на такие фигурки, испытывал глубокое и всеобъемлющее чувство, будто в них сосредоточена любовь ко всем без всяких условий.

– Суть в том, – громким шепотом произнес Феликс, – что Создатель вселенной нисходит к нам в этом брэнном облике, проходит сверху донизу весь путь от дальних пределов

своего творения, чтобы родиться среди нас. Существует ли какой-нибудь более прекрасный символ нашей страстной веры на переломе зимы в то, что миру суждено возродиться заново?

Ройбен не знал, что и сказать. Много лет он безоговорочно принимал примитивное толкование насчет того, что, дескать, христианскую легенду просто связали с языческим праздником. А разве не получается, что здесь есть одновременно что-то и от религиозной веры, и от безбожия? Неудивительно, что Стюарт с таким подозрением относится к происходящему. Нынешний мир вообще с большим подозрением относится к подобным вещам.

Сколько раз он сидел молча в церкви, смотрел, как его любимый брат Джим служил мессу, и думал: бессмысленно это все, бессмысленно... Но теперь – и уже давно – он освободился от церкви и вернулся в яркий открытый мир, где можно просто смотреть в звездное небо или слушать птиц, которые поют даже по ночам, и оставаться наедине со своими глубинными убеждениями, какими бы простыми они ни были.

Но сейчас в нем зарождались другие чувства, еще глубже и тоньше и не сводящиеся к «или – или». Его пониманию стала открываться величественная и неведомая прежде возможность слияния в единство, казалось бы, совершенно чуждых друг другу вещей!

Ему вдруг захотелось немедленно поговорить об этом с Джимом, но, в конце концов, Джим приедет на рождественский фестиваль, они встанут перед этим самым вертепом и смогут поговорить с глазу на глаз, как делали это всегда. И Стюарт... Стюарт тоже должен увидеть и понять все это.

К его радости и облегчению, рядом находился Феликс, наделенный решимостью и дальновидностью, благодаря которым такие грандиозные затеи, как вот этот рождественский фестиваль, обретают жизнь.

– Как вы думаете, Маргон не слишком устал от Стюарта? – вдруг спросил он. – Он, надеюсь, понимает, что у Стюарта просто энергия бьет через край!

– Ты серьезно? – Феликс чуть слышно засмеялся. – Маргон обожает Стюарта. – Он понизил голос до доверительного шепота: – Ройбен Голдинг, у тебя, судя по всему, очень крепкий сон. Хотя такое бывает. Взять хотя бы Ганимеда. Зевс чуть ли не каждую ночь таскал его на Олимп.

Ройбен, хотя и был настроен очень серьезно, все же рассмеялся. Вообще-то он не мог похвастаться исключительно крепким сном, по крайней мере не каждую ночь.

– У нас будут прекрасные музыканты, – сказал Феликс, как будто обращался к самому себе. – Я уже звонил в Сан-Франциско и нашел на побережье несколько гостиниц, где они смогут остановиться. Я хочу, чтобы во взрослом хоре звучали оперные голоса. А детский хор, если понадобится, хоть из Европы привезу. Я знаю одного молодого дирижера, который точно понимает, что мне нужно. Я хочу, чтобы здесь прозвучали традиционные хоралы, старинные хоралы, те хоралы, которые передают неопровержимую глубину всего происходящего.

Ройбен промолчал. Украдкой поглядывая на Феликса, он успел заметить, с какой любовью тот смотрел на этих мраморных стражей. А сам подумал, что да, «сие же есть жизнь вечная», а я еще и шага не сделал к знанию... Зато он знал, что любит Феликса, что Феликс – это свет, озаряющий ему путь, что Феликс – это учитель в той школе, куда его угораздило попасть.

– Давным-давно, – сказал Феликс, – у меня был в Европе замечательный дом. – Он умолк, и на его лицо, обычно веселое и живое, набежала тень, оно сделалось чуть ли не мрачным. – Ройбен, ты ведь понимаешь, что на самом деле нас убивает, да? Не раны, не моровые поветрия, а само бессмертие. – Он снова приостановился. – Ты, Ройбен, сейчас живешь в благословенное время, которое будет длиться до тех пор, пока не уйдут все, кого ты любишь, пока на земле живет твое поколение. Вот тогда-то для тебя начнется бессмертие. Пройдет много веков, а ты будешь помнить это Рождество и твою любимую семью – и всех

нас, собравшихся в этом доме. – Он умолк, подобрался и, прежде чем Ройбен успел что-то ответить, почти нетерпеливым жестом предложил ему выйти.

– Значит, Феликс, в первое время бывает легче всего?

– Нет. Не всегда. Не у всех оказывается такая прекрасная родня, как у тебя. – Он немного помолчал. – Ты ведь признался своему брату Джиму, верно? Я имею в виду, что он знает, кто ты такой и что мы все собой представляем.

– Феликс, это была исповедь, – ответил Ройбен. – Мне казалось, что я говорил вам. Хотя, возможно, и не говорил. Но это было на исповеди, а мой брат из тех католических священников, которые скорее умрут, но не раскроют никому того, что услышали в исповедальне. Но ведь вы и сами это знаете.

– Это я почувствовал с первого нашего знакомства, – сказал Феликс. – И остальные, конечно, тоже. Мы чувствуем тех людей, которые знают о нас. Ты и сам через некоторое время научишься этому. Мне кажется, просто замечательно, что у тебя оказалась такая возможность. – Он ненадолго задумался. – Моя жизнь была совсем иной. Впрочем, сейчас не время для подобных историй.

– Феликс, вы и вы все должны верить, что Джим ни за что...

– Мой мальчик, неужели ты думаешь, что кто-нибудь из нас может причинить зло твоему брату? – Некоторое время они шли в молчании, но, когда почти дошли до лестницы, Феликс приобнял Ройбена за плечи и остановился, опустив голову.

– Феликс, в чем дело? – спросил Ройбен. Он хотел каким-то образом объяснить Феликсу, как много тот значит для него, ответить ему словами, столь же теплыми, как те, которые слышал от Феликса.

– Не нужно бояться того, что будет с Лаурой, – сказал Феликс. – У нас ничего не продолжится вечно, так лишь кажется. А вот когда перестает казаться... что ж, тогда-то мы и начинаем умирать. – Он нахмурился. – Я имел в виду совсем не это. Я хотел сказать...

– Понимаю, – перебил его Ройбен. – Вы хотели сказать одно, а получилось совсем другое.

Феликс кивнул.

Ройбен взглянул ему в глаза.

– Мне кажется, я знаю, что вы имели в виду. Вы имели в виду: цени свою боль.

– Что ж, возможно, я действительно хотел сказать что-то в этом роде. Цени свою боль, цени то, что у тебя связано с Лаурой, в том числе и свой страх за нее. Цени то, что может случиться, в том числе и неудачу. Цени все это, потому что если мы не живем настоящей жизнью, если мы не проживаем ее со всей возможной полнотой год за годом, век за веком, то... то тогда мы умираем.

Ройбен кивнул.

– Потому-то в подвале столько лет все еще хранятся эти статуи. Потому-то я привез их сюда с родины. Потому я построил этот дом. Потому я вернулся под эту крышу, а вы с Лаурой оказались для меня путеводным огнем! Вы с Лаурой и обещание того, что вы собой представляете. Хм-м-м... Ройбен, я не столь одарен по части риторики, как ты. У меня получается, что мне позарез необходимо, чтобы вы любили друг дружку. Это не так. И сказать я хотел совсем не это. Я подошел к огню, чтобы погреть руки и восхититься им. Вот и все.

Ройбен улыбнулся.

– Феликс, я вас люблю, – заявил он. Сказал без какой-либо аффектации в голосе или во взгляде, но с глубоким и благотворным убеждением, убеждением в том, что его поняли и что слов больше, пожалуй что, не нужно.

Встретившись взглядами, они действительно завершили этот разговор без слов.

Поднялись по ступеням.

Маргон и Стюарт, сидя за обеденным столом, продолжали свои занятия. Стюарт пытался убедить собеседника в глупости и никчемности ритуалов, а Маргон довольно вяло возражал, что Стюарт, дескать, нарочно строит из себя зануду, как будто спорит с матерью или учителем из своей прежней школы. Стюарт ехидно посмеивался, а Маргон сдержанно улыбался.

В зал вошел Сергей, русоволосый великан с сияющими голубыми глазами. Его одежда промокла под дождем, он с ног до головы был обляпан мокрой глиной, в волосах застряла лиственная труха. Он весь лучился здоровьем, но при этом казался слегка ошарашенным. Они с Феликсом молча переглянулись, а у Ройбена по всему телу пробежала странная дрожь. Сергей пришел с охоты, Сергей этой ночью был Человеком-волком, в нем сейчас кипела кровь. И это знала кровь и Ройбена, и Феликса. Стюарт тоже это почувствовал; он взглянул на вошедшего и с восторгом, и, похоже, с обидой и снова повернулся к Маргону.

Ну, а Маргон и Феликс просто вернулись к своим делам.

Сергей прошествовал в кухню.

А Ройбен взял ноутбук и пристроился у огня, чтобы хоть немного разобраться в христианских и языческих обычаях, связанных с солнцеворотом, и, возможно, начать статью для «Обсервера». Билли, главный редактор, звонила ему чуть ли не через день. Она требовала от него материалов. По ее словам, их ждали читатели. А ему хотелось проникнуться на подступах к Рождеству разными подходами, как позитивными, так и негативными, попытаться понять, почему мы так не уверены и в одном, и в другом, почему в Рождество старинные традиции подчас волнуют нас ничуть не меньше, чем денежные траты и походы по магазинам, и, чем черт ни шутит, отыскать путь для того, чтобы освежить и оживить у людей восприятие Рождества. Его радовало, что в голову стало приходить что-то, не связанное со старыми циничными шаблонами.

Тут он сообразил кое-что еще. Он понял, что пытается найти способ передать то, что стало ему только что известно, и не выдать при этом тайну того, как это случилось, и каким образом самопознание так резко изменило его самого.

— Так оно теперь и будет, — чуть слышно прошептал он. — Да, я буду стремиться открыть то, что мне известно, но меня все время что-то будет сдерживать. — Но, даже несмотря на это, он хотел чем-то занять себя. Рождественские традиции, дух Рождества, отзвуки Солнцеворота...

4

Два часа ночи.

Весь дом спал.

Ройбен в тапочках и толстом шерстяном халате спустился по лестнице.

Жан-Пьер, часто бравший на себя ночное дежурство, спал у кухонного столика, положив голову на руки.

Камин в библиотеке еще не прогорел.

Ройбен вернул огонь к жизни, пошевелив поленья, взял с полки книгу и сделал то, о чем всегда мечтал: устроился на приставленном к окну диванчике. Место оказалось очень удобным: бархатное мягкое сиденье, подушки, не позволяющие прикасаться к холодному отпотевшему стеклу.

Дождь стекал по стеклу в считанных дюймах от глаз.

Стоявшая на столе лампа вполне годилась для того, чтобы немного почитать. А ему при этом тусклом, рассеянном свете хотелось почитать именно немного.

Ему попалась книга по истории Ближнего Востока. Тема – антропологический обзор некоторых важнейших событий развития человечества антропологического развития, происходивших в тех местах, – поначалу глубоко захватила его, но очень скоро он почти полностью утратил нить изложения. Тогда он оперся затылком на деревянную панель, которой была обшита изнутри оконная ниша, и, прищурившись, уставился на язычки пламени, пляшущие в камине.

Окно вздрагивало под ударами случайных порывов ветра. Капли дождя колотили по стеклу, как дробинки. А потом дом вздохнул; этот вздох Ройбен много раз слышал, когда был один, как сейчас, и сидел неподвижно.

Он ощущал себя в безопасности, был доволен жизнью, и ему не терпелось увидеть Лауру, сделать для этого все, что в его силах. Прием шестнадцатого числа должен понравиться его родным, наверняка понравится. Грейс и Фил никогда не устраивали ничего, кроме небольших развлечений для ближайших друзей. Джим будет в восторге, и они смогут поговорить. Да, Джиму и Ройбену обязательно нужно будет поговорить. И дело не только в том, что Джим, один на целом свете, знает Ройбена, знает его тайну, знает все. Дело еще и в том, что он переживал за Джима, переживал из-за того, что бремя тайны, которое ему пришлось взвалить на себя, обходится ему очень дорого. Какие страдания приходилось претерпевать во имя Божие Джиму, священнику, связанному тайной исповеди с такими тайнами, какие он не мог передать ни одной другой живой душе? Ройбену ужасно не хватало Джима. Хорошо было бы позвонить ему, но нельзя.

Ройбен почувствовал, что его охватывает дремота. Он встряхнулся и плотнее запахнул на шее ворот халата. Внезапно он словно пробудился и осознал, что рядом с ним кто-то есть; ощущение было таким, будто он начал говорить с этим кем-то, но тут его резко разбудили, и стало понятно, что такого просто не может быть.

Он поднял голову и взглянул налево. Все уличные огни давно погасли, и вроде бы за окном должен был царить ночной мрак.

Но за стеклом он увидел стоящую и глядящую на него фигуру и понял, что смотрит на Марчент Нидек и что именно она рассматривает его, находясь прямо за стеклом.

Марчент. Марчент, которую зверски убили в этом самом доме.

Его охватил неодолимый ужас. И все же он сохранял неподвижность. Ужас словно рвался наружу из всего его существа. А он продолжал смотреть на нее, всеми силами сопротивляясь стремлению убежать.

Ее слегка прищуренные поблекшие глаза, окаймленные покрасневшими веками, не отрывались от него, будто она говорила с ним, о чем-то отчаянно умоляла его. Ее губы – очень свежие, мягкие и совершенно настоящие – были немного приоткрыты. А щеки разрумянились будто от холода.

Сердце Ройбена оглушительно грохотало, а кровь в артериях пульсировала с такой силой, что он не мог вдохнуть.

Она была в том самом пеньюаре, который надела в ту ночь, когда ее настигла смерть. Жемчуга, белый шелк, кружева... какие красивые кружева – тяжелые, с густым сложным узором... Но все ее одеяние было испачкано кровью, пропитано кровью. Одной рукой она придерживала кружева у горла – на запястье красовался браслет, тонкая жемчужная цепочка, которая была на ней в ту ночь, – а другой рукой она тянулась к нему, как будто надеялась проткнуть пальцами стекло.

Он сорвался наконец с места и опомнился, когда стоял на ковре и смотрел на нее. Никогда еще за всю жизнь он не испытывал такой паники.

Она все так же смотрела на него, лишь в ее глазах прибавилось отчаяния; волосы были растрепаны, но казались совершенно сухими, будто на улице вовсе не было дождя. И на пеньюар не упало ни единой дождевой капли. Она вся словно лучилась. А потом фигура попросту исчезла, как ее и не было.

Он стоял неподвижно, не сводя взгляда с потемневшего стекла, пытаясь снова отыскать за ним ее лицо, ее силуэт, хоть что-нибудь, но там не было ничего, а он никогда в жизни не чувствовал себя настолько бесконечно одиноким.

Его кожа казалась наэлектризованной, хотя он чувствовал, что начал потеть. И, очень медленно опустив взгляд на руки, он увидел, что они покрылись шерстью. Ногти удлинились. А дотронувшись до лица, он обнаружил шерсть и там.

Он начал перевоплощаться – вот что сделал с ним страх! Но превращение шло замедленно, словно выжидало – выжидало, пока он подаст осознанную команду на его продолжение. А причиной того, что случилось, был только ужас.

Не в силах пошевелиться, он уставился на ладони.

За его спиной раздался знакомый звук – заскрипели половицы.

Медленно обернувшись, он увидел Феликса. Тот был в измятой пижаме, с всклокоченными со сна волосами.

– В чем дело? – спросил Феликс, шагнув вперед. – Что-то случилось?

Ройбен был не в силах ответить. Длинная волчья шерсть все не опадала. И страх никуда не уходил. Возможно, слово «страх» здесь не совсем годилось, потому что ничего реально существующего он никогда в жизни не боялся так, как испугался сейчас.

– Что случилось? – вновь спросил Феликс, сделав еще шаг. Вид у него был озабоченный и свидетельствовал о готовности прийти на помощь.

– Марчент... – прошептал Ройбен. – Я видел ее, видел прямо здесь.

По коже вновь побежали мурашки. Скосив глаза вниз, он увидел, как из-под исчезающей шерсти вновь появляются пальцы.

Судя по ощущениям, шерсть опадала и с головы, и с груди.

Его поразило выражение лица Феликса. Ни разу еще он не видел Феликса таким уязвимым, чуть ли не больным.

– Марчент? – повторил Феликс, прищурив глаза. Ему и в самом деле было больно. И не могло быть никаких сомнений в том, что он поверил словам Ройбена.

А Ройбен поспешно принялся объяснять, шагая в сторону гардероба, расположенного рядом с буфетной. Феликс шел рядом с ним. Ройбен надел свое теплое пальто и взял с полки фонарь.

– Что ты затеял? – спросил Феликс.

– Нужно выйти наружу, поискать ее.

Дождь ослабел и лишь слегка моросил. Ройбен сбежал по ступенькам парадного крыльца, быстро зашагал вокруг дома и вскоре оказался перед большим окном библиотеки. Здесь, именно на этом месте, ему еще не доводилось бывать. Может быть, всего раз-другой он проезжал на машине по гравийной дорожке за дом. Фундамент поднимался довольно высоко над землей, и здесь даже не было никакого карниза или приступки, на которую Марчент, живая Марчент, могла бы вскарабкаться к окну.

Окно было ярко освещено находящейся в помещении лампой, а справа от подъездной дороги стояла непроглядно темная дубрава, наполненная звуками дождя, который, хоть и стих, продолжал шуршать по листьям.

За окном была отчетливо видна высокая худощавая фигура Феликса, но тот, похоже, не видел стоявшего на земле и глядевшего вверх Ройбена и упорно вглядывался в темноту поодаль.

Ройбен же стоял совершенно неподвижно, не мешая измороси садиться на волосы и лицо, а потом, собравшись с духом, повернулся и тоже принялся рассматривать лес. Но не увидел практически ничего.

На него нахлынула волна тревоги, грозившей снова перерасти в панику. Чувствовал ли он ее присутствие? Нет, не чувствовал. И его страшило то, что она могла, пребывая в какой-то необъяснимой духовной форме, затеряться в этой темноте.

Он медленно вернулся к парадной двери, продолжая на ходу вглядываться в окружающую тьму. Какой бескрайней и зловещей она казалась и каким далеким и ужасающе безликим был рокот невидимого отсюда океана.

Отчетливо видимым был только дом, грандиозный дом с освещенными окнами и проектами, которые строили его обитатели, дом, походивший на бастион, воздвигнутый, чтобы противостоять хаосу.

Феликс ждал у открытой двери. Он помог Ройбену снять пальто.

В библиотеке Ройбен рухнул в кресло, большое кресло с высокой удобной спинкой, которое каждый вечер занимал Феликс.

– Но я действительно видел ее, – сказал Ройбен. – Она была там, как живая, на ней был пеньюар, который она надела в ту злосчастную ночь. И он был весь в крови, весь залит... – Он вдруг с резкой болью воочию представил себе недавнее видение. И вновь почувствовал ту же тревогу, которую ощутил при первом взгляде в ее лицо. – Она была... несчастна. Она... она о чем-то просила меня, чего-то хотела...

Феликс стоял молча, скрестив руки на груди. И не пытался скрыть боль, которую испытывал.

– Дождь, – продолжал Ройбен, – похоже, не касался ее, этого привидения или что это было. Она светилась, нет, сияла. Она походила на призрак Питера Квинта из «Поворота винта». И искала кого-то или что-то.

Молчание.

– Что ты почувствовал, когда увидел ее? – спросил наконец Феликс.

– Ужас, – ответил Ройбен. – И, мне кажется, она это поняла. Думаю, она была разочарована.

Феликс снова надолго замолчал. А когда через некоторое время снова заговорил, его голос звучал очень спокойно, очень вежливо.

– Почему ты ужаснулся? – спросил он.

– Потому что это была... Марчент, – сказал Ройбен, стараясь не заикаться. – И значит, что Марчент где-то существует. Значит, Марчент, сохраняя сознание, пребывает где-то, причем не в каком-то блаженном посмертии, а здесь. Разве можно представить что-нибудь другое?

Стыд. Прежний стыд. Он повстречался с нею, любил ее и не сделал ровным счетом ничего, чтобы предотвратить ее гибель. И еще унаследовал от нее этот дом.

– Я не знаю, что это значит, – сказал Феликс. – Мне никогда не доводилось видеть духов. Духи являются к тем, кто способен их видеть.

– Вы мне верите?

– Конечно, верю. Судя по твоему описанию, это не был какой-то туманный силуэт...

– Ничего подобного, – быстро, захлебываясь, заговорил Ройбен. – Я видел жемчужины, которыми был украшен ее пеньюар. Кружева. Я видел старинные плотные кружева с этими фестонами на вороте, очень красивые кружева. И жемчужный браслет, который она носила, когда я был с нею, тонкий браслет из мелких жемчужин, скрепленных серебряными звеньями.

– Этот браслет ей подарил я, – сказал, а вернее, выдохнул Феликс.

– Я видел ее руку. Она протянула ее так, будто рассчитывала достать до меня сквозь стекло. – Он снова ощутил мурашки по коже, но отогнал это ощущение. – Позвольте задать вам вопрос. Она похоронена здесь, на каком-то семейном кладбище, или где-то еще? Вы были на ее могиле? Стыдно признаться, но мне даже в голову ни разу не пришло пойти туда.

– Ну, ты был не в том состоянии, чтобы посетить похороны, – ответил Феликс. – Ты лежал в больнице. Но я сомневаюсь, что ее похоронили здесь. Мне кажется, что ее останки переправили в Южную Америку. Сказать по правде, я и не знаю, как это было.

– Не могло ли случиться, что она оказалась не там, где хотела?

– Не могу даже представить себе, чтобы для Марчент это имело какое-то значение. – Феликс говорил несвойственным ему невыразительным голосом. – Совершенно не могу, хотя что я о ней знаю?

– Феликс, что-то пошло не так, совсем не так. Иначе она не пришла бы. Посудите сами: я никогда прежде не то что не видел привидений, но даже не имел никаких предчувствий или пророческих снов. – Тут же он вспомнил, что то же самое и почти теми же словами говорила ему нынче вечером Лаура. – Но кое-что о призраках мне известно. Мой отец уверяет, что видел их своими глазами. Он, правда, не любит об этом говорить, особенно за столом, в компании, потому что над ним обычно смеются. Но его предки были ирландцами, и он видел призраки не единожды. Если призрак смотрит на человека, если знает о его присутствии, значит, ему что-то нужно.

– Ну, да, кельты и их привидения... – сказал Феликс без тени насмешки. Ему действительно было тяжело, и последняя реплика была брошена как бы в сторону. – У них есть дар. Поэтому неудивительно, что Фил их видел. Но тебе говорить с ним об этом ни в коем случае нельзя.

– Это я понимаю, – ответил Ройбен. – И все же он – тот самый человек, который может что-то знать.

– И тот самый человек, который сможет понять больше, чем тебе хотелось бы, если ты начнешь рассказывать ему обо всем, что тебя заботит, обо всем, что происходило с тобой под этим кровом.

– Феликс, я все это понимаю, не беспокойтесь. Понимаю.

Его глубоко поразило мрачное, угнетенное выражение лица Феликса. Казалось, что Феликс вот-вот обрушится под напором собственных мыслей.

Внезапно Ройбену стало стыдно. От этого видения он не только перепугался, но и испытал подъем. Оно наполнило его энергией, и у него не проскочило ни единой мысли о Феликсе и о тех чувствах, которые Феликс, несомненно, должен был испытывать сейчас.

Феликс вырастил Марчент, а того, как он знал и любил Марчент, Ройбен не мог даже представить себе, а он, Ройбен, вновь и вновь говорит о ней, хотя призрак, это чудесное и неповторимое достояние, должен был принадлежать ему. И Ройбена внезапно охватил стыд.

– Я сам не знаю, что несу, да? – вопросительным тоном произнес он. – Но я точно знаю, что видел ее.

– Ее убили, – сказал Феликс тем же тихим надрывным голосом. Потом сглотнул и обхватил себя руками за плечи; Ройбен никогда прежде не замечал за ним такого жеста. – Иногда бывает, что жертвы убийств не могут покинуть место гибели.

Они надолго замолчали, а потом Феликс повернулся спиной к Ройбену и подошел поближе к окну.

– О, почему я не вернулся раньше? – надрывно проговорил он. – Почему не дал ей знать о себе? О чем я думал, пока она год за годом оставалась одна?..

– Феликс, умоляю, не вините себя. Вы несколько не виноваты в случившемся.

– Я бросил ее на произвол судьбы, как всегда бросаю их...

Феликс медленно вернулся к теплу камина и присел на скамеечку для ног, стоявшую перед креслом, напротив Ройбена.

– Не мог бы ты снова рассказать мне, как все это было? – спросил он.

– Конечно. Она смотрела прямо на меня, – сказал Ройбен, изо всех сил сдерживаясь, чтобы снова не разразиться сбивчивым потоком слов. – Она была прямо за стеклом. Понятия не имею, сколько времени она там находилась и смотрела на меня. Я никогда прежде не сидел на том диванчике. Мне давно хотелось, знаете ли, сесть на красные бархатные подушки, подобрать под себя ноги, но до этой ночи я так и не сделал этого.

– А она постоянно сидела там, когда была маленькая, – сказал Феликс. – Это было ее место. Я часами работал за столом, а она читала у окна. У нее всегда была там, за занавеской, стопочка книг.

– Где именно? С левой стороны? Она сидела спиной к стене с левой стороны окна?

– Именно так. Левый угол принадлежал ей. Я часто дразнил ее, что она испортит глаза: когда солнце начинало садиться, в том углу делалось совсем темно. А она читала, пока не становилось совсем темно. Она читала там даже в самые холодные зимние дни. Сидела там в халате, поджав под себя ноги в теплых носках. И упорно не желала пользоваться торшером. Говорила, что ей вполне хватает света от этой вот настольной лампы. Так ей нравилось.

– Точно так же там сидел и я, – слабым голосом сказал Ройбен.

Они снова умолкли. Пламя догорело, лишь уголья мерцали в камине.

В конце концов Ройбен поднялся.

– Устал. Такое ощущение, будто пробежал несколько миль. Все мышцы болят. Пожалуй, никогда еще мне так сильно не хотелось спать.

Феликс тоже встал – медленно, неохотно.

– Что же, – сказал он, – завтра я сделаю несколько звонков. Поговорю с ее приятелем из Буэнос-Айреса. Наверно, выяснить, там ли ее похоронили, где она хотела, будет совсем не трудно.

Они с Феликсом вместе направились к лестнице.

– Я хочу еще кое-что спросить, – сказал Ройбен, когда они поднимались по ступенькам. – Почему вы вдруг спустились в библиотеку? Услышали какие-то звуки или что-то почувствовали?

– Не знаю, – ответил Феликс. Проснулся. И ощутил нечто вроде *frisson*⁴, как это называется у французов. Что-то было не так. А потом, конечно, увидел тебя, увидел, как на тебе проступает волчья шерсть. Ты же знаешь, что мы неким неощутимым образом сообщаем друг другу о том, что начинаем трансформироваться...

Они приостановились в темном коридоре перед дверью в комнату Феликса.

– Тебе не будет тяжело остаться одному? – спросил Феликс.

⁴ Frisson – дрожь, озноб; содрогание (*фр.*).

– Нет, несколько, – ответил Ройбен. – Это был страх не того рода. Я не боялся ее и не ждал от нее ничего дурного. Это было нечто совсем другое.

Феликс не пошевелился, не взялся за ручку двери. Он немного помолчал и сказал:

– Как бы я хотел ее увидеть!

Ройбен кивнул. Конечно, Феликс очень хотел этого. И, конечно, Феликс пытался угадать, почему она явилась Ройбену. Разве мог он не думать об этом?

– Но ведь призраки являются тем, кто способен их видеть, верно? – спросил Ройбен. – Вы же сами так сказали. Кажется, отец сказал то же самое, когда мать как-то раз принялась высмеивать саму мысль о явлении призраков.

– Да, это так, – согласился Феликс.

– Мне кажется, стоит согласиться, что она хочет, чтобы этот дом вернулся к вам.

– Вы так считаете? – упавшим голосом спросил Феликс. Он казался сломленным, его постоянную ненаигранную бодрость как рукой сняло. – Ройбен, с какой стати ей хотеть, чтобы мне что-то здесь принадлежало, после того как я бросил ее?

Ройбен ничего не сказал. Он вновь явственно представил ее себе, ее лицо, страдальческое выражение на нем, то, как она тянулась к нему сквозь стекло. Пожал плечами. И пробормотал:

– Ей больно.

Он вновь взглянул на Феликса и вдруг смутно ощутил, что выражением лица тот пугающе походил на Марчент.

5

Рано утром его разбудил звонок телефона; увидев на экране имя Селесты, он не стал отвечать. В полусне он прослушал оставленное ею сообщение: «... и, думаю, для кого-то это, может быть, и окажется хорошей новостью, – говорила она необычно ровным голосом, – но только не для меня. Я говорила об этом с Грейс и, конечно, учитываю и ее чувства. Как бы там ни было, мне нужно повидаться с тобой, потому что без тебя я не могу принять окончательное решение».

Что же все-таки она могла иметь в виду? Впрочем, его это мало интересовало, и терпения для разгадывания загадки было еще меньше. Тут ему пришла в голову совершенно неожиданная мысль: он никак не мог вспомнить, почему решил, что любил Селесту? Как он вообще мог завести и поддерживать с нею отношения? Почему он проводил так много времени в обществе человека, которому он, лично он, настолько не нравился? И она за это время сделала его настолько несчастным, что теперь один только звук ее голоса вызывал у него раздражение и даже легкую боль, несмотря даже на то, что голову его вроде бы занимали совсем другие вещи.

Возможно, Селеста захотела заручиться его согласием на свой брак с его лучшим другом Мормом. Конечно, в том-то и дело. Конечно! Его отношения с Селестой прервались всего два месяца тому назад, и ей сейчас неловко за свою спешку. И, конечно, она посоветовалась с Грейс, потому что любит Грейс. Морт и Селеста регулярно бывали в доме на Русском холме. Каждую неделю трижды обедали там. Морму очень нравился Фил. Фил любил говорить с Мормом о поэзии, и Ройбен задумался о том, что теперь эти беседы вряд ли придется по вкусу Селесте, которая всегда смотрела на Фила свысока и считала его довольно-таки жалким человечком.

Во время умывания он пришел к выводу, что из всех, кого он знает, ему, по большому счету, хочется видеть только двоих: отца и брата Джима.

Нельзя ли найти какой-нибудь способ навести Фила на тему призраков, никоим образом не касаясь происходящего?

Да, Фил видел привидения, Фил, несомненно, должен быть знаком с многочисленными сведениями по этому вопросу, накопившимися в фольклоре, но между Ройбеном и теми, кому не суждено было знать правду о Нидек-Пойнте, возвышалась стена, за которую последние ни в коем случае не должны были заглядывать.

Что касается Джима... Ройбен опасался, что наперед знает все, что Джим мог бы сказать насчет призраков и духов. Нет, Джим не верил в дьявола, и, возможно, Джим не верил и в бога. Тем не менее он был священником и часто говорил то, что, по его мнению, полагалось говорить священнику. Ройбен отдавал себе отчет, что после появления в его жизни Почтенных джентльменов он ни разу по-настоящему не исповедовался Джиму, и ему было стыдно. А если бы время вернулось назад, Ройбен ни за что не посвятил бы Джима в тайну Волчьего дара. И это было бы просто нечестно.

Одевшись и выпив кофе, он позвонил единственному человеку в мире, с которым мог поделиться своими заботами: Лауре.

– Послушай, зачем тебе ехать так далеко? – сразу же спросила Лаура. – Давай встретимся где-нибудь не на побережье. По всей Винной стране льет дождь, но, может быть, не такой уж сильный.

Он был целиком и полностью «за».

В полдень он въехал на центральную площадь Сономы и увидел перед кафе джип Лауры. Из-за туч выглянуло солнце, но мостовые оставались мокрыми. Несмотря на холодную сырость, в центре города было многолюдно. Ройбену очень нравился и сам городок,

и его площадь. Ему казалось, что в таком милом тихом калифорнийском городке просто не может случиться ничего дурного, и он надеялся выкроить после ленча несколько минут, чтобы пройтись по магазинам.

Едва увидев Лауру, которая ожидала его, сидя за столиком, он вновь изумился произошедшим с нею переменам. Да, более темной стала голубизна глаз, волосы превратились в роскошную белокурую гриву, но появилось еще что-то сверх того, какая-то потаенная жизненная сила, проявляющаяся и в выражении ее лица, и даже в ее улыбке.

Заказав самый большой сэндвич, какой только подавали в этом заведении, суп и салат, он приступил к рассказу.

Неторопливо, не упуская ни единой подробности, он изложил историю появления призрака. Ему хотелось, чтобы Лаура полностью представила себе всю картину: и покой, царивший в доме, и эффектную картинность на этом фоне появления Марчент, и выразительность ее жестов, и ее исказившееся лицо.

В кафе было многолюдно, все разговаривали, но сильного шума не было, так что они могли беседовать вполголоса. В конце концов он рассказал обо всем, включая свою беседу с Феликсом, и в обычной для себя в последнее время волчьей манере набросился на суп. Полностью позабыв о правилах хорошего тона, он выпил его прямо из тарелки. Вкусные свежие овощи, густой бульон.

– Так, ты веришь мне? – спросил он. – Веришь, что я действительно все это видел? – Он вытер губы салфеткой и взялся за салат. – Уверяю тебя, это мне не приснилось.

– Да, я думаю, что ты ее на самом деле видел, – ответила она. – И, судя по всему, Феликс тоже не считает, что ты выдумал это видение. Мне кажется – и это меня немного пугает, – что она может являться тебе и потом.

Он кивнул.

– Но веришь ли ты, что она где-то существует? Я имею в виду: истинная, настоящая Марчент. Ты веришь, что она находится где-то вроде чистилища?

– Не знаю, – честно ответила Лаура. – Ты наверняка слышал слово «привязанный». Во всяких теориях ты разбираешься неплохо и должен знать, что некоторые призраки – это духи, привязанные к определенному месту. Духи умерших людей, которые попросту не могут куда-то переместиться. Не знаю, есть ли в этом правда. Я никогда особо не верила в такое. Но умершие могут являться на свет, если случается какой-то особый непорядок или же при наличии эмоциональной привязанности особого рода.

Он пожал плечами. Подобные теории он уже слышал. Слышал рассуждения отца об «умерших, привязанных к месту смерти». Фил говорил о таких, что они претерпевают страдания, проходят нечто вроде персонального чистилища.

Тут всплыла мысль о призраке отца Гамлета и ужасающем описании огненных мук, которые тот претерпевал. Некоторые литературоведы утверждали, что этот призрак явился прямо из ада. Но это полная чушь! Ройбен не верил в чистилище. Не верил он и в ад. Откровенно говоря, разговоры об аде он всегда находил оскорбительными. Он всегда был уверен, что люди, верующие в ад, очень мало сочувствуют тем, кто, по их мнению, должен туда попасть. А то и вовсе не сочувствуют. Скорее наоборот. Те, кто верует в адский огонь, похоже, наслаждаются мыслью о том, что эта ужасная участь суждена, в конце концов, большей части человеческой расы.

– Но что именно означает эта привязка к месту? – спросил он. – Где Марчент может находиться сейчас, в этот самый момент? Что она чувствует?

К его изумлению, Лаура на самом деле ела заказанную пищу. Быстро разрезав на несколько кусков стейк по-европейски, она моментально съела их и тут же, не переводя дыхания, перешла к тарелке со скалопини. Когда же официантка поставила перед ним заказанный сэндвич с ростбифом, он, естественно, тут же вернулся к первоочередному делу.

– Не знаю, – ответила Лаура. – Если допустить, что души существуют, то, значит, они попадают в какую-то ловушку, а может быть, каким-то образом цепляются за то, что способны видеть и слышать о нас и нашем мире.

– Очень логично... – прошептал он. И снова содрогнулся. Он ничего не мог с собою поделать.

– Знаешь, что я сделала бы на твоём месте? – вдруг сказала она и, промокнув губы салфеткой, одним глотком выпила половину колы со льдом из своего стакана. – Я постаралась бы раскрыться навстречу призраку, дать ему понять, что искренне желаю разобраться, чего же он хочет. То есть если это действительно личность Марчент Нидек, если перед тобой что-то цельное, реальное и способное чувствовать – нужно открыть свою душу. Я понимаю, что в многолюдном кафе, среди веселой публики, при ярком свете дня сказать такое очень легко, тем более что я не видела призрак, но я постаралась бы вести себя именно так.

Он кивнул.

– Её я не боюсь. Я боюсь, что она несчастна, что она, Марчент, продолжает существовать где-то – не в лучшем из миров. Я хочу облегчить её участь, сделать все, что в моих силах, чтобы исполнить её желание.

– Ну, конечно!

– Как, по-твоему, может быть, что она тревожится из-за дома, из-за того, что Феликс вернулся туда, а я оставил дом за собой? Завещая мне дом, она не знала, что Феликс жив.

– Вряд ли это имеет какое-то отношение к дому, – ответила Лаура. – Феликс богат. Захотел бы вернуть себе Нидек-Пойнт – предложил бы выкупить его у тебя. И поселился у тебя как гость он вовсе не потому, что у него денег не хватает. – Она говорила это, не переставая есть, и быстро очистила тарелку. – Не забывай, что ему принадлежат все земли, окружающие Нидек-Пойнт. Я слышала, как он говорил об этом Гэлтону и кому-то еще из мастеров. Это вовсе не секрет. Он совершенно спокойно обсуждал это с ними, когда нанимал их для какой-то работы. Усадьба Гамильтонов принадлежит ему уже пять лет. А участок Дрекселов, восточнее, он купил еще раньше. Сейчас люди Гэлтона работают в тех домах. Феликсу принадлежат земли южнее Нидек-Пойнта от берега до самого городка. На этой территории еще остались старые дома, хотя бы того же Гэлтона, но Феликс всерьез намерен дожидаться, пока хозяева не решат продать свои участки, чтобы приобрести их.

– Значит, он намеревался вернуться, – сказал Ройбен. – И не просто намеревался, а планировал и готовил возвращение. И хочет заполучить дом. Не может не хотеть.

– Нет, Ройбен, ты все не так понял, – возразила она. – Он действительно собирался когда-нибудь вернуться. Но только после того, как дом уйдет от Марчент. После того как она стала жить в основном в Южной Америке, его агенты много раз пытались под разными именами купить этот дом, но Марчент всегда отказывалась. Об этом Феликс сказал мне сам, просто в разговоре к слову пришлось. Это тоже никакая не тайна. Он ждал, пока она совсем уедет. А случившееся оказалось для него полнейшей неожиданностью.

– Главное – хочет ли он сейчас заполучить дом, – сказал Ройбен. – Уверен, что хочет. Он же сам его выстроил.

– Если и так, то он не торопится.

– Я отдам ему этот дом. Я не потратил на него ни медяка.

– И ты полагаешь, что призраку все это известно? – спросила Лаура. – И его это как-то тревожит и задевает?

– Нет, – ответил он. Покачал головой. Он вспомнил перекошенное лицо, вспомнил ее руки, протянутые так, будто она пыталась дотянуться до него сквозь стекло. – Может быть, конечно, я иду по ложному следу. Может быть, ее дух возмущен приготовлениями к Рождеству – тем, что мы устраиваем праздник так скоро после ее смерти. А может быть, дело в чем-то совсем другом.

Он снова испытал сильное ощущение присутствия Марчент, как будто явление ее призрака породило между ними новую, жутковатую близость, и та скорбь, которую он постоянно испытывал, казалось, бесконечно глубже укоренилась в той Марчент, которую он знал.

– Нет, задуманный праздник никак не должен был оскорбить ее. Во всяком случае, его не хватило бы для того, чтобы заставить ее вернуться оттуда, где она оказалась, и явиться тебе.

Ройбену было нечего сказать. Он пребывал в полном замешательстве. Было ясно только, что ему удастся что-либо узнать лишь в том случае, если дух снова явится ему.

– В зимний Солнцеворот духи являются чаще, чем в другое время, так ведь? – спросила Лаура. – Взять хотя бы бесчисленные истории о рождественских привидениях, которые рассказывают во всех странах, говорящих по-английски. Появление призраков в это время года стало чуть ли не традицией, в это время они сильны, как будто преграда, разделяющая живых и мертвых, делается хрупкой.

– Да, Фил не раз говорил то же самое, – ответил Ройбен. – Потому-то «Рождественская песнь» Диккенса так сильно действует на читателей. Из-за стародавних преданий о духах, которые являются именно в это время года.

– Вернись, пожалуйста, ко мне, – сказала Лаура и взяла его за руку. – Выброси эти мысли из головы – хотя бы ненадолго. – Она жестом потребовала принести чек. – Здесь поблизости имеется очаровательная маленькая гостиница. – Она улыбнулась ему обжигающей, призывной, всезнающей улыбкой. – Знаешь, как приятно оказаться в незнакомой кровати, с незнакомыми балками над головой...

– Пойдем, – согласился он.

Они занимались любовью в находившемся за два квартала от площади укрытом в саду очаровательном коттедже в сельском стиле, на старомодной бронзовой кровати, под низко нависшим скошенным потолком. Желтые цветы на обоях. Свеча в старинном кованом железном канделябре. Розовые лепестки на простынях.

Лаура была груба, настойчива и воспламеняла его своим желанием. Но вдруг она застыла и отодвинулась.

– Ты можешь сейчас трансформироваться? – прошептала она. – Очень тебя прошу. Стань Человеком-волком, ради меня.

В тихой комнате стоял полумрак; белые жалюзи надежно защищали ее от послеполуденного солнца.

Он не успел даже ответить: трансформация началась сама собой.

Опомнившись, он обнаружил, что стоит перед кроватью; тело уже покрыто волчьей шерстью, когти, в удлинившихся суставах рук и ног замирает пульсация. Он чуть ли не слышал, как отрастает грива, как шелковистые волосы покрывают его лицо. Новыми глазами он осмотрел хрупкую старомодную меблировку помещения.

– Вы этого хотели, мадам? – спросил он обычным для этого состояния глубоким баритоном Человека-волка, который звучал намного богаче и гуще, чем его прежний голос. – Нас могут обнаружить, но ведь мы готовы рискнуть ради хорошего дела, так ведь?

Она улыбнулась.

Она разглядывала его, как никогда прежде. Пригладила ладонью шерсть на его лбу, пробежала пальцами сквозь длинные, более грубые волосы на его голове.

Он притянул ее к себе и опустил на голые доски пола. Она прижималась к нему и вырывалась, будто хотела спровоцировать его на какую-то резкую вспышку, колотила его кулачками в грудь, одновременно целуя его и крепко прижимая язык к его клыкам.

6

Ройбен вернулся из Сономы уже под вечер. Дождь перешел в густую морось, и, хотя до ночи было еще далеко, можно было подумать, что уже начало смеркаться.

Как только он увидел вдалеке дом, на душе у него полегчало. Рабочие уже закончили украшать все окна фасада ровными рядами ярко-желтых мелких лампочек, а вокруг парадной двери красовалась массивная вечнозеленая рождественская гирлянда, тоже пестревшая яркими огоньками.

Каким веселым и мирным он казался. Рабочие как раз завершили свои труды, и несколько машин отъехали от террасы ему навстречу. Осталась только одна машина для людей, которые работали в гостевом флигеле, расположенном немного ниже, но и они тоже должны были уехать.

Парадные комнаты тоже выглядели очень весело; там, как всегда, топились камин, а справа от двери в главную гостиную возвышалась огромная, еще не разодетая в украшения елка. Камин также были убраны пышными зелеными гирляндами. Повсюду густо пахло вечнозелеными растениями.

Но дом, как ни странно, оказался пуст. Ройбен не бывал здесь в одиночестве с того самого дня, когда сюда явились Почтенные джентльмены. На кухонном столе он обнаружил записки, в которых сообщалось, что Феликс увез Лизу на побережье в магазины, Хедди прилегла вздремнуть, а Жан-Пьер повез Стюарта и Маргона в Напу – обедать.

Впрочем, Ройбен не придавал значения странной пустоте в доме. В своих мыслях он снова вернулся к Марчент. Он думал о Марчент на протяжении довольно долгой поездки из Сономы, и лишь после того, как поставил на огонь кофейник, до него дошло, что встреча с Лаурой – ленч и любовь в уютном коттедже – пришлось очень кстати, потому что он перестал бояться происходящих в ней перемен.

Он быстро принял душ, надел синий пиджак и серые шерстяные брюки – он часто одевался так к обеду – и направлялся по коридору к лестнице вниз, когда до его слуха донеслись звуки радио, игравшего где-то в западной части дома, его части.

Место, где работал приемник, он определил почти сразу. В той самой комнате, где когда-то жила Марчент.

В коридоре, как всегда, было темно и мрачно – там вовсе не имелось окон и все освещение составляли несколько бра с бумажными абажурами на стенах и слабые лампочки под потолком. И он хорошо видел, что из-под двери Марчент выбивается луч света.

К его сердцу вновь рывками пополз холодный ужас, правда, на сей раз это происходило медленно. Он застыл посреди коридора, чувствуя, что его тело пытается трансформироваться, и прилагая все силы, чтобы воспрепятствовать этому порыву, и не знал, что делать.

И для музыки, и для света можно было найти добрый десяток объяснений. Например, Феликс мог искать что-то в шкафу или письменном столе Марчент и оставить все включенным.

Ройбен все так же не мог пошевелиться. Он старательно отгонял от себя ощущение мурашек на лице и ладонях, но полностью подавить его так и не смог. Кисти его рук обросли пусть не шерстью, но довольно густыми волосами. Прикоснувшись к лицу, он обнаружил то же самое. Ну, что ж. Однако какой прок ему будет от этих мелких телесных усовершенствований, если призрак и в самом деле появится?

Радио играло старую – девяностых годов – мелодичную мечтательную песню. Он знал эту мелодию, ее медленный гипнотизирующий ритм и глубокий женский голос. «Прими меня такой, какая я есть». Мэри Фал и «Проект Октябрь». Он танцевал под эту музыку со

своей школьной подружкой Шарлотой. Уже тогда она считалась старой. Все это было слишком ощутимо, слишком реально.

Внезапно он так разозлился на собственную панику, что взял да и постучал в дверь.

Ручка медленно повернулась, дверь открылась, и он увидел перед собой полутемную фигуру Марчент; горевшая за ее спиной лампа лишь частично освещала комнату.

Ройбен неподвижно застыл, глядя на этот темный силуэт, и вот уже обрисовался знакомый угловатый контур лица, стали проступать черты, и появились большие несчастные и молящие глаза.

На ней был тот же самый испачканный кровью пеньюар, и Ройбен видел, как на нем сверкали бесчисленные жемчужины.

Он попытался заговорить, но его челюсть, мышцы лица, а также руки и ноги словно окаменели.

Их разделяло не более двух футов.

Сердце, казалось, вот-вот взорвется.

Он поймал себя на том, что пятится от фигуры, а потом перед ним сразу потемнело. Он стоял в безмолвном пустом коридоре, весь потный, с трясущимися поджилками, а дверь в комнату Марчент снова оказалась закрыта.

Почувствовав вспышку ярости, он распахнул дверь и шагнул в потемневшую комнату. Нашарив на стене выключатель, он нажал его; вспыхнула целая россыпь небольших лампочек.

Он чувствовал, что его грудь и руки по всей длине покрыты потом. Ладони сделались скользкими. Начавшееся было превращение в волка прекратилось. Волчья шерсть осыпалась. И все же и ощущение мурашек, и дрожь в руках и ногах оставались. Ему удалось заставить себя несколько раз медленно вдохнуть и выдохнуть.

Никаких звуков радио и даже радиоприемника вовсе не видно, а вся комната точно такая, какой он запомнил ее, когда осматривал в прошлый раз, еще до появления Феликса, Маргона и остальных.

На окнах и балдахине массивной медной кровати висели дорогие занавеси, отделанные белыми кружевами. В северном углу комнаты – старомодный туалетный столик, накрытый скатертью с такими же кружевными фестонами. Кровать застелена розовым ситцевым покрывалом, такое же покрывало на стоявшем около камина пулом диванчике для двоих. Еще в комнате имелся письменный стол тоже, как и вся обстановка, подчеркнуто женского облика, с выгнутыми ножками стиля «королева Анна» и белый книжный шкаф, в котором стояло несколько книг в твердых обложках.

Дверь гардероба оказалась распахнута. Внутри ничего, кроме полудюжины обтянутых материей плечиков. Очень миленьких. Часть была обтянута пестрым ситцем, остальные – светлым шелком. Пахло духами. Здесь, на перекладине платяного шкафа, пустые плечики вдруг оказались для него символом потери, страшной реальности того, что Марчент исчезла, скрылась в безвозвратности смерти.

Пыль на полках. Пыль на паркетном полу. Ничего нет, ничего такого, в чем печальный скитающийся дух мог бы найти для себя опору – если скитающиеся духи так поступают.

– Марчент, – прошептал он. Он приложил ладонь ко лбу, потом вынул носовой платок и вытер пот с лица. – Марчент, умоляю, – снова прошептал он. Ему никак не удавалось вспомнить, что говорилось во всяких фольклорных источниках насчет способности духов читать мысли. – Марчент, помоги мне, – попросил он, но собственный шепот прозвучал в пустой комнате очень громко и еще сильнее ударил по и без того напряженным нервам Ройбена.

Ванная пуста и стерильно чиста, шкафчики пусты. Никаких радиоприемников. Запах моющих средств.

Какие милые обои, со старомодным ситцевым узором из бело-голубых пасторальных фигурок. Таким же, как на плечиках в гардеробе.

Он представил себе Марчент купающейся в длинной овальной ванне на ножках в виде когтистых звериных лап, и тут же на него внезапно волной накатило ощущение ее близкого, почти телесного присутствия, их объятий в ту жуткую ночь, прикосновений ее теплой кожи к его лицу, звуки ее мягкого, умиротворяющего голоса.

Повернувшись, он внимательно посмотрел вокруг и медленно направился к невысокой кровати. Ройбен присел на край, лицом к окну, и закрыл глаза.

– Марчент, помоги мне, – чуть слышно сказал он. – Помоги. Марчент, что происходит? – Никогда еще, пожалуй, ему не доводилось испытывать такой тоски. Вся его душа пребывала в смятении. И он вдруг расплакался. Мир опустел, из него улетучилась вся надежда, все мечты. – Мне так горько из-за того, что тогда случилось... – пробормотал он трясущимися губами. – Марчент, я прибежал сразу же, как только услышал твои крики. Клянусь Богом, так оно и было, но с двоими я не смог справиться. К тому же я все равно опоздал.

Он повесил голову.

– Прошу тебя, скажи, чего ты от меня хочешь. – Он уже рыдал совсем по-детски. В памяти всплыл Феликс в библиотеке, на первом этаже, то, как он прошлой ночью спрашивал сам себя, почему он все эти годы не появлялся дома, и его глубокое искреннее сожаление. В ушах явственно прозвучал унылый голос Феликса, его слова: «С какой стати ей хотеть, чтобы мне что-то здесь принадлежало... после того, как я бросил ее».

Вынув платок, он вытер нос и рот.

– Не знаю, почему он поступил так, а не иначе. А если и догадываюсь, то все равно не могу сказать наверняка. Но точно могу сказать тебе, что люблю тебя. Я не пожалел бы жизни, чтобы остановить их. И сделал бы это не задумываясь.

Ему вроде бы стало чуть полегче, но он чувствовал, что это облегчение фальшивое и незаслуженное. Бесповоротность ее смерти требовала от него большего. Бесповоротность ее смерти полностью сокрушила его. Да, он сейчас взахлеб выложил многое из того, что просилось на язык, и это было вроде бы хорошо, несмотря на то что для нее, конечно, все это ничего не значило. А сам он не имел никакого представления ни о том, могла ли Марчент в действительности пребывать в каком-то мире, откуда была способна видеть или слышать его, ни о том, что представляло собой то видение, которое несколько минут назад явилось ему в дверях.

– Марчент, все это чистая правда, – сказал он. – Ты сделала мне грандиозный подарок – этот дом, который я никоим образом не заслужил, никоим образом, и я здесь, живой, и не знаю, что происходит с тобой, Марчент, с тобой... я ничего не понимаю.

У него не осталось слов, которые он мог бы произнести вслух. Но про себя, молча, он повторил от всего сердца: «Я очень люблю тебя».

Он думал о том, насколько несчастен он был, когда встретился с нею. О том, как отчаянно он стремился освободиться не только от своих любящих родственников, но и от несчастной связи с Селестой. Селеста не любила его. Совершенно точно. У нее было лишь тщеславие, внезапно сообразил он, стремление иметь рядом с собой «красавца мужчину», как она частенько с откровенной насмешкой называла его, а он уверил себя в том, что должен испытывать влечение к этой шикарной и умной женщине, которая к тому же очень нравилась его матери. А правда заключалась в том, что Селеста делала его несчастным. Что же касается родных... ему было необходимо хоть на некоторое время сбежать от них, чтобы понять, чем же на самом деле он хотел заниматься.

– А теперь, – прошептал он, – благодаря тебе я живу в этом мире.

Тут ему внезапно вспомнилось, с какой любовью она говорила о Феликсе, как скорбела по нему, вспомнилась ее усталая уверенность в том, что он умер и его больше нет, он знал,

что сам вряд ли смог бы выдержать такую боль. Какое право было у него на Феликса, по которому она так горевала? Он оцепенел от несправедливости происходящего и ужаса перед ним.

Он долго сидел там, дрожа всем телом, дрожа так, будто насквозь промерз, хотя в комнате было тепло; он сидел, закрыв глаза, углубившись в размышления, и уже почти забыл о потрясении и ужасе, которые только что испытал. В мире существовало и кое-что хуже, чем страх.

За его спиной раздался звук, звук скрипнувших пружин, и Ройбен ощутил, как матрас справа от него промялся.

Кровь отлила от его лица, а сердце дало перебой.

Она сидела рядом с ним! Он знал это. Он вдруг почувствовал, как на его руку легла ее ладонь – мягкая, легкая, но вполне ощутимая ладонь, – а к плечу прижалась податливая грудь.

Он медленно открыл глаза и встретил ее взгляд.

– О Боже в небесах, – пробормотал, не удержавшись, он, почувствовал, что язык у него заплетается, и повторив: – Боже в небесах, – заставил себя посмотреть на нее, по-настоящему посмотреть на нее, на ее бледно-розовые губы, на четкие, словно нарисованные пером черты ее лица. Ее белокурые волосы блестели в свете лампы. Шелк ее белого пеньюара, прямо возле его руки, поднимался и опускался вместе с дыханием. Она придвинулась еще ближе, ее холодные пальцы крепче надавили на его правую руку, которая сама собой сжалась в кулак, а вторая ладонь легла на его левое плечо.

Он смотрел прямо в ее нежные подернутые влагой глаза. Заставлял себя смотреть. Но его правая рука неожиданно для него самого дернулась, стряхнув ее ладонь, и изобразила крестное знамение. Все это походило на судорогу, и Ройбен сразу покраснел от стыда.

Она чуть слышно вздохнула, но ее брови тут же сдвинулись, и вздох перешел в стон.

– Прости меня! – поспешно воскликнул Ройбен. – Скажи... – он запнулся и в замешательстве скрипнул зубами. – Скажи... что я могу сделать?

Ее лицо искажилось словно от невыносимого страдания. Она медленно потупила взгляд и отвернулась; подстриженные волосы рассыпались вдоль щеки. Ему захотелось прикоснуться к ее волосам, к ее коже – прикоснуться... Но тут ее взгляд, до краев исполненный скорби, вернулся к нему; она, похоже, собралась что-то сказать, совершенно явно, она прилагала к этому большие усилия. Но тщетно.

Видение вдруг просветлело, будто озарилось изнутри, и рассеялось.

Исчезло, словно его и не было. И он остался один на кровати, один в комнате, один в доме. Минуты беззвучно улетали, а он так и сидел, не в силах пошевелиться.

Она больше не вернется – он точно знал это. Бог знает, что она собой сейчас представляет – привидение, дух, привязанный к месту призрак, – но она истратила все свои силы без остатка и больше не вернется. А он снова обливался потом, собственное сердце оглушительно гремело в ушах. Ладони и подошвы горели. Он чувствовал, как сквозь кожу мириадами иголок проступает волчья шерсть. Загнать ее обратно сейчас было бы для него пыткой.

Удерживая себя от немедленной трансформации, он поднялся, сбежал по лестнице и вышел через заднюю дверь.

Стужалась холодная тьма, низко над землей нависали подожженные закатом тучи, а лес вокруг уже превращался в стену теней. В кронах деревьев, словно живое существо, вздымал невидимый дождь.

Ройбен забрался в «Порше» и тронулся с места. Он ехал наугад, куда угодно, лишь бы подальше от Нидек-Пойнта, подальше от страха, от беспомощности, от тоски. «Тоска – все равно что ладонь, стискивающая глотку, – думал он. – Тоска не дает дышать. Тоска куда ужаснее, чем все, что он знал до сих пор».

Он придерживался окольных путей и лишь смутно отмечал, что удаляется от океана, а по сторонам дороги непрерывно тянутся леса. Он не столько думал, сколько чувствовал, и хотя сдерживал окончательную трансформацию, но снова и снова ощущал булавоочные уколы прорастающей шерсти. Он прислушивался к голосам, голосам Сада Боли, прислушивался, прислушивался, стремясь уловить то, что неизбежно должно было прозвучать: звуки чьего-нибудь отчаянного рыдания, голос кого-нибудь, в ком еще сохраняется жизнь, чей-то плач и призыв к нему о помощи, хотя призывающий страдалец, может быть, не имеет даже понятия о его существовании, зов от кого-то, до кого он смог бы добраться и вовремя прийти на помощь.

Боль, как запах в порыве ветра. Маленький ребенок – запуганный, избитый, всхлипывающий.

Ройбен свернул с дороги в рощу и, скрестив руки на груди, будто намереваясь защищаться, вслушался в голоса, которые звучали все отчетливее. Снова волчья шерсть мириадами иголок рванулась наружу. Кожа на голове отчаянно зудела, а руки тряслись оттого, что он все еще сдерживал трансформацию.

– Ну, и где ты была бы без меня? – рычал мужчина. – Думаешь, тебя не упрятали бы в тюрьму? Еще как упрятали бы.

– Я тебя ненавижу, – кричал сквозь рыдания ребенок – маленькая девочка. – Мне больно. Ты все время мучаешь меня. Я хочу домой.

А мужской голос гудел, перекрывая крики девочки, сыпал гортанными проклятиями и угрозами... ах, этот зловещий, полностью предсказуемый звук зла, этот сгусток предельного себялюбия! Запах, хоть немного запаха!

Он почувствовал, что одежда на нем вот-вот лопнет; каждый дюйм кожи на лице и голове пылал огнем от пробивавшейся шерсти, на руках стремительно росли когти, из ботинок высунулись мохнатые лапы. Он сорвал куртку, распорол когтями рубашку и брюки. По плечам рассыпалась грива. *Кто я такой, на самом деле, кто я?* Как быстро мех покрыл все его тело, и насколько могучим он ощущал себя в этом состоянии – одиноким охотником, каким он был в те первые тревожные ночи, когда еще не появились старшие морфенкин-деры, когда он пребывал на самом краю возможности представления, постижения, осознания – овладения этой несравненной силой.

В своем полном волчьем облике он углубился в лес. Он мчался на четвереньках туда, где страдал ребенок, его мышцы пели, глаза без единой ошибки выбирали извилистый путь. *Мое место здесь, этот мир создан для меня, а я – для него.*

Они оказались в старом ветхом домике-трейлере, укрывшемся среди дубов с обломанными верхушками и гигантских пихт. За двориком, заваленным пустыми газовыми баллонами, мусорными баками и старыми шинами, перед Ройбеном призрачно сияло голубым телевизионным светом крошечное окошко, сбоку притулился ржавый помятый грузовик.

Ройбен замер в нерешительности – он опасался допустить такую же ошибку, какая случилась с ним в прошлый раз. Но его неудержимо влекло к злодею, находившемуся в считанных дюймах от когтей. Внутри бубнили телевизионные голоса, но он слышал, как девочка рыдала, а мужчина бил ее. Отчетливо доносились шлепки кожаного ремня. Свежий запах ребенка заполнял все вокруг. Но его начал перебивать затхлый запах, исходивший от мужчины, накатывавшийся волна за волной, смрад, смешивавшийся с мужским голосом и вонью давно не стиранной заскорузлой от высохшего пота одежды.

Захлестнувший Ройбена гнев прорвался наружу басовитым продолжительным рыком.

Он рванул дверь; она слетела с петель, и он швырнул ее в сторону. В ноздри ударил горячий прокисший воздух. В тесном вытянутом помещении он ощущал себя гигантом, ему пришлось пригнуться, чтобы не задеть головой потолок, трейлер раскачивался от его движений. Когда Ройбен схватил отчаянно завопившего костлявого мужичонку за фланелевую

рубашку и швырнул во двор – загромыхало железо, послышался звон бьющихся бутылок – гундосый телевизор рухнул на пол.

Как спокоен был Ройбен, когда вздернул негодя в воздух – *Благослови нас, Господи, ибо это Твои дары!* – каким естественным ощущалось все происходившее. Мужичок брыкался и пытался ударить Ройбена, его лицо перекосилось от ужаса, такого же ужаса, какой почувствовал Ройбен, когда Марчент обняла его, а потом Ройбен неторопливо, с расчетом вгрызся в его горло. *Накорми зверя во мне!*

О, какая густая, какая соленая и обильная кровь, о, непрекращающееся сердцебиение, о, какая сладкая вязкая жизнь у этого злодея – все это пока что не уложилось в его памяти. Уже много времени прошло с тех пор, когда он охотился в одиночку, когда пировал над своей избранной жертвой, избранной добычей избранным врагом.

Он проглотил громадный кусок мяса убитого, облизал горло и щеку.

Ему нравились челюстные кости, нравилось, как они хрустят на зубах, и он откусил от лица еще один кусок.

Полнейшую тишину, воцарившуюся в мире, нарушали только его чавканье, хруст костей на его зубах и звуки, с которыми он глотал теплое кровавое мясо.

Лишь слабый дождь пел в мерцающем лесу, как будто он избавился от всех глаз и глазок, которые поспешили скрыться от зрелища этой нечестивой евхаристии. Он полностью отдался своей трапезе, сожрал голову, плечи, руки. Потом дошла очередь до грудной клетки, и он наслаждался хрустом тонких полых костей до тех пор, пока вдруг не почувствовал, что не может съесть ни крошки больше.

Он облизал лапы, облизал ладони, вытер лицо и снова облизал лапу, точь-в-точь как это сделала бы умывающаяся кошка. Что осталось от убитого – живот и две ноги? Останки он швырнул в лес и прислушался к негромкому шлепку и хрусту веток, сопровождавшим падение.

Но тут ему пришло в голову, что можно придумать выход получше. Он поспешно углубился в лес, вскоре нашел труп, вернее, то, что от него осталось, и потащил его подальше от трейлера. Вскоре он нашел небольшую заболоченную полянку, по которой протекал ручей, вырыл в мягкой земле яму, уложил туда труп, засыпал землей и, насколько мог, замаскировал импровизированную могилу. Вряд ли кто-нибудь отыщет его тут.

Потом он мыл лапы в ручье, плескал в покрытое мхом лицо холодной водой и вдруг услышал, что его зовет детский голос. Дрожащий писклявый детский голос:

– Человек-волк, – снова и снова кричала девочка, – Человек-волк!

– Человек-волк!.. – прошептал он.

Рванувшись назад, он обнаружил на пороге трейлера девочку лет семи, от силы восьми, неестественно, болезненно худую, со свалывшимися белокурыми волосами, пребывавшую на грани истерики. Из одежды на ней были только ветхая футболка и джинсы. Она уже посинела от холода. Слезы промыли полосы на чумазом личике.

– Я молилась, чтобы ты пришел, – всхлипывала она. – Я молилась, чтобы ты спас меня, и так оно и вышло.

– Да, милая, да, – ответил он грубым басовитым волчьим голосом. – Я пришел.

– Он украл меня у мамы, – плача, рассказывала девочка и выставила вперед руки. На запястьях остались рубцы от веревок, которыми связывал ее похититель. – Он сказал, что мама умерла. Но я-то знаю, что нет.

– Его больше нет, моя милая, – сказал Ройбен. – Он больше не сделает тебе ничего плохого. А теперь постой здесь, а я найду какое-нибудь одеяло и заверну тебя, чтобы ты не мерзла. А потом доставлю тебя в безопасное место. – Он ласково (насколько это было возможно в его нынешнем состоянии) погладил девочку по голове. Она казалась немыслимо хрупкой и в то же время невероятно сильной.

В трейлере, на вонючей койке, нашлось армейское одеяло.

Ройбен крепко, словно пеленал новорожденного, завернул в него девочку, которая смотрела на него с безграничным доверием. Потом посадил ее на согнутую левую руку и побежал, лавируя среди деревьев.

Он и сам не знал потом, сколько времени заняла дорога. Он нес в объятиях спасенное сокровище, и от этого его голова шла кругом. А девочка молчала, прижавшись к нему.

Так он и шел, пока не увидел впереди огни города.

– Тебя застрелят! – вдруг воскликнула девочка, увидевшая огни чуть позже, чем он. – Человек-волк, они будут в тебя стрелять!

– Неужели я позволю кому-нибудь сделать тебе плохо? – спросил Ройбен. – Не волнуйся, моя хорошая.

Она снова прижалась к нему.

Добравшись до окраины городка, он удвоил осторожность и пробирался за кустами и деревьями, выбирая, где погуще, пока не увидел кирпичное здание церкви, стоявшее задним фасадом к лесу. Неподалеку, в домике – типичном жилище священника, – светились огни, в мощеном дворе возвышался небольшой железный детский городок, сделанный, судя по всему, много лет назад. Надпись на указателе в деревянной раме, который стоял на обочине дороги, извещала: «ХРАМ ДОБРОГО ПАСТЫРЯ. ПАСТОР КОРРИ ДЖОРДЖ. СЛУЖБЫ – ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМ, В ПОЛДЕНЬ». Тут же прямоугольными цифрами был написан телефонный номер.

Прижимая девочку обеими руками к груди, он подошел к окну. А она снова перепугалась.

– Человек-волк, пусть тебя не увидят, пусть не увидят! – плакала она.

Сквозь стекло он разглядел плотную женщину; сидя в одиночестве за кухонным столом, она ела и читала какую-то книжку в бумажной обложке. Кротко подстриженные седоватые вьющиеся волосы оставляли открытым простое умное лицо. Ройбен рассматривал ее, пока не ощутил запах – пахло чистотой и добротой. В этом у него не было ни малейшего сомнения.

Поставив девочку на землю, он осторожно освободил ее от испачканного кровью одеяла и указал на дверь кухни.

– Ты знаешь, как тебя зовут, маленькая?

– Сюзи, – ответила она. – Сюзи Блейкли. Я живу в Юрике. И телефон тоже знаю.

Ройбен кивнул.

– Иди к этой леди, Сюзи, и приведи ее ко мне. Иди-иди.

– Нет, Человек-волк, прошу тебя, не надо! – запротестовала девочка. – Она вызовет полицию, и тебя убьют.

Но, видя, что Ройбен не уходит, она смирилась и направилась к двери.

Когда женщина вышла, Ройбен стоял неподалеку и пытался угадать, хорошо ли она видит в тусклом свете, падавшем из окна, огромное волосатое чудовище, какое он представлял собой – скорее зверя, нежели человека, но с человеческим, хотя и искаженным по-звериному, лицом. Дождь сменился мелкой изморосью, которую он почти не замечал. А женщина оказалась по-настоящему бесстрашной.

– А-а, это *вы*! – сказала она. Приятный голос. И вцепившаяся в нее маленькая девочка указывает рукой и кивает.

– Помогите ей, – сказал Ройбен женщине, сознавая, как грубо и зловеще звучит его голос. – Человека, который издевался над нею, больше нет. Его не найдут. Ни клочка, ни волоса. Помогите ей. Она прошла через страшные мытарства, но помнит и свое имя, и свой адрес.

– Я знаю, кто она такая, – чуть слышно отозвалась женщина и, подойдя ближе, приоткрылась к нему маленькими бледно-серыми глазками. – Это девочка Блейкли. Она пропала еще летом.

– Значит, вы позаботитесь о ней...

– Убирайтесь отсюда, – сказала женщина и погрозила ему пальцем, как огромному непослушному ребенку. – Вас убьют, если увидят. После вашего последнего появления в этих лесах ступить было некуда, чтобы не нарваться на каких-нибудь недоумков с ружьями. На охоту за вами съехались люди со всего штата, если не со всей страны. Так что убирайтесь и чтобы духу вашего здесь не было.

Тут Ройбен против воли рассмеялся, растерянно думая, что, вероятно, производит на обеих дикое впечатление: могучий зверь, покрытый темной шерстью, трясется от смеха и хихикает, совсем как человек.

– Человек-волк, уходи, пожалуйста, – сказала девочка; ее бледные щеки порозовели. – Я никому не скажу, что видела тебя. Скажу, что я убежала. Пожалуйста, уходи, убегай.

– Ты скажешь то, что будешь должна сказать, – ответил он. – Расскажешь, что тебя освободило.

Он повернулся, собираясь уйти.

– Человек-волк, ты спас меня! – крикнула девочка.

Он снова повернулся к ней. Несколько бесконечно долгих секунд смотрел на нее, на ее запрокинутое к нему сильное лицо, на пылающий в глазах огонь.

– Сюзи, с тобой все будет хорошо, – сказал он. – Я люблю тебя, моя дорогая.

С этими словами он кинулся прочь.

Перекинув через плечо окровавленное одеяло, он вломился в густой, ароматный лес и с невообразимой скоростью помчался по плетям ежевики, валежнику и чавкавшим под ногами мокрым палым листьям. Его душа парила в заоблачных высях, а тело добавляло милому за милей к расстоянию, отделявшему его от захолустной церквушки.

Через полтора часа он упал, измученный, в постель. Его никто не заметил, в этом он был уверен. Тем не менее его грызла совесть – ведь он не спросил разрешения ни у Феликса, ни у Маргона и сделал именно то, от чего Почтенные джентльмены совсем недавно предостерегали его и Стюарта. И все равно его душа ликовала, и он наконец-то устал по-настоящему. О том, виноват он или нет, он думать сегодня не собирался. Уже засыпая, он услышал где-то вдалеке, в ночи тоскливый вой.

Сначала он решил, что это ему приснилось, но вой повторился.

Кто угодно решил бы, что это волк, но он-то знал, что это не так. Совершенно точно – это был морфенкиндр, и в его голосе слышались горестные интонации, которые не смог бы воспроизвести ни один зверь.

Он сел. Ему никак не удавалось определить, кто именно из морфенкиндров издал эти звуки и почему.

Звук раздался вновь – продолжительный заунывный вой, от которого на руках Ройбена снова полезла шерсть.

Волки воем переговариваются друг с дружкой, так ведь? Но мы же на самом деле вроде бы не волки... Мы и не люди, и не животные. И кто же из нас стал бы издавать такие странные тоскливые звуки?

Он снова опустил голову на подушку, избавился от шерсти и попытался отрешиться от окружающего мира.

И снова услышал тот же вой – чуть ли не скорбный; его, кажется, переполняли боль и мольба.

В последний раз Ройбен услышал вой, когда почти заснул и окунулся в сновидения.

Он видел сон. Сон, от которого он даже во сне пришел в растерянность. Он увидел Марчент в каком-то доме среди леса, старом доме с ярко освещенными комнатами, полными людей, которые то и дело входили и выходили. Марчент, непрерывно рыдая, разговаривала с теми, кто окружал ее. Она безостановочно плакала, и Ройбен не мог вынести страдания, звучащего в ее голосе, написанного на ее запрокинутом лице, когда она, бурно жестикулируя, разговаривала с этими людьми. А те, похоже, не слышали ее, не обращали на нее внимания и не желали ей отвечать. Он не мог ничего разглядеть толком. Потом Марчент вскочила, ринулась прочь из дома и побежала босиком, в разорванной легкой одежде, по холодному мокрому лесу. Колючие кусты царапали ее босые ноги. А вокруг нее угадывались в темноте расплывчатые, теневые фигуры, которые постепенно догоняли ее. Ройбен не мог вынести этого зрелища. Он бежал следом, и ему было очень страшно. Потом картина изменилась. Она сидела на краю кровати Феликса, той самой кровати, в которой они когда-то спали, и снова плакала, а он что-то говорил ей, но что – сам не знал; все происходило так быстро, что он чем дальше, тем меньше понимал, а она говорила: «Я знаю, знаю, но не знаю как!» А он чувствовал, что не может больше переносить эту боль.

Когда он проснулся, в окно вливался серый, холодный, как лед, утренний свет. Сновидение рассыпалось, будто было сделано из быстро тающей наледи на оконных стеклах. В памяти вновь возник образ девочки, маленькой Сюзи Блейкли, а следом за ним неприятная мысль о том, что ему придется держать ответ за сделанное перед Почтенными джентльменами. Интересно, эта история уже попала в новости? «Человек-волк вновь наносит удар». Он неохотно выбрался из кровати и, вернувшись мыслями к Марчент, поплелся в ванную.

7

Вызовы на своем телефоне он проверил, только когда начал спускаться по лестнице. Там оказались текстовые сообщения от матери, отца и брата – одинаково короткие и слово в слово совпадающие одно с другим: «Позвони Селесте».

Интересно, что же ей все-таки надо?

Еще не дойдя до кухни, он услышал непривычные звуки, как будто Феликс и Маргон спорили. Нет, пожалуй, не просто спорили, а ругались друг с другом на незнакомом Ройбену древнем языке и заметно повышенных тонах.

Замешкавшись в дверях, Ройбен убедился, что так оно и есть. Побагровевший Маргон чуть слышно, но яростно втолковывал что-то откровенно разъяренному Феликсу.

Ройбену стало страшно. Он понятия не имел, что происходит, но счел за лучшее повернуться и уйти. И раньше он не мог выносить, когда Фил и Грейс начинали по-настоящему ссориться, и, положив руку на сердце, вообще не переносил чьих-то ссор в своем присутствии.

Он направился в библиотеку, уселся за стол и набрал номер Селесты, недовольно думая при этом, что, пожалуй, она последний человек на свете, с кем ему хотелось бы говорить. Может быть, если бы он не так боялся ссор и разговоров на повышенных тонах, то давным-давно избавился бы от Селесты раз и навсегда.

Услышав голос, записанный на автоответчике, он сказал:

– Это Ройбен. Ты хотела поговорить? – и нажал отбой.

Подняв голову, он увидел перед собой Феликса с большой чашкой кофе. Теперь Феликс выглядел совершенно спокойным.

– Это тебе, – сказал он, поставив чашку на стол. – Позвонил своей прежней возлюбленной?

– Благие небеса, она и до вас добралась? Что случилось?

– Это важно, – сказал Феликс. – Чрезвычайно важно.

– Кто-то умер?

– Наоборот. – Он подмигнул и улыбнулся, не в силах сохранять серьезное выражение лица.

По обыкновению он оделся в строгий шерстяной костюм от хорошего портного, тщательно причесал темные волосы и, судя по всему, был готов ко всему, что может нести с собой предстоящий день.

– Вы об этом спорили с Маргоном, да? – неуверенно спросил Ройбен.

– О нет, совершенно о другом. Не думай об этом. С несравненным Маргоном я разберусь сам. А ты все-таки позвони Селесте.

Телефон зазвонил, и Ройбен сразу же ответил. И, как только Селеста произнесла его имя, он понял, что она плачет.

– Что случилось? – спросил он, стараясь вложить в голос как можно больше сочувствия. – Селеста, в чем дело?

– Знаешь, Солнечный мальчик, ты мог бы ответить и пораньше. Я звоню тебе уже несколько дней.

Ему это говорили уже многие, и уже много раз он вынужден был виновато просить прощения, чего сейчас ему вовсе не хотелось делать.

– Извини меня, Селеста. В чем все-таки дело?

– Ну... в общем, я приняла решение, и кризис преодолен.

– О чем ты?

– О браке с Мормом, – ответила она. – Потому что хотя ты, Солнечный мальчик, и спрятался в своей башне из слоновой кости, но твоя мать согласилась взять ребенка себе.

Это помогло решить проблему. И конечно, то, что я отказалась делать аборт, невзирая на то, что мой первенец будет сыном бездельника, у которого только ветер в голове.

От потрясения Ройбен лишился дара речи. Что-то вспыхнуло в нем, что-то близкое к состоянию истинного счастья, которое ему вряд ли доводилось когда-нибудь испытывать, но он не смел надеяться – пока еще не смел.

А она продолжала говорить.

– Я думала, что все обойдется. Что тревога ложная. Потому-то и не стала ничего говорить тебе. Ничего не обошлось. Так что я сейчас на четвертом месяце. Это мальчик, совершенно здоровый. – Она перешла к разговору о женитьбе, и о том, каким замечательным оказался Морт, и о том, что Грейс уже вызвалась взять в больнице годичный отпуск, чтобы сидеть с ребенком. Что Грейс – лучшая в мире женщина, потому что готова ради этого бросить все на свете, и что Грейс – изумительный хирург, и что Ройбен никогда не был в состоянии понять и оценить, насколько ему повезло, что у него есть такая мать, как Грейс. Что Ройбен вообще ничего не ценит по заслугам и никогда не ценил. Потому-то он не отвечает никому на телефонные звонки и электронные письма и спрятался в «поместье», как будто настоящего мира вовсе не существует... – Ты самый эгоистичный и испорченный тип из всех, кого я только знала, – сообщила она, повысив голос, – и, честно говоря, меня от тебя уже тошнит. От того, что тебе все прямо в руки падает. Например, этот самый особняк. От того, что тебе нет никакого дела, что происходит, и что разбираться с последствиями твоих глупостей всегда приходится кому-то другому...

Поток обвинений все лился и лился.

Ройбен поймал себя на том, что смотрит на Феликса, а Феликс смотрел на него с обычным доброжелательно-покровительственным выражением и, похоже, намеревался без спросу дожидаться ответа Ройбена.

– Селеста, я же ничего не знал, – сказал Ройбен, перебив монолог собеседницы.

– Конечно, не знал, – ответила она. – Я тоже не знала. Помилуй бог, я же принимала таблетки. Я подумала, что это, может быть, как раз перед тем, как ты отправился туда в первый раз, а потом решила, что нет, не может. Я ведь тебе уже сказала. А потом я сделала эхограмму. Вчера. Аборт я делать не буду, и не настаивай. Малыш появится на свет. Честно говоря, Солнечный мальчик, мне совершенно не хочется с тобой разговаривать. – В трубке раздались гудки.

Ройбен положил телефон на стол и уставился в пространство, думая сразу о множестве вещей, и счастье застилало ему взор и кружило голову, а потом он услышал ласковый и доверительный голос Феликса.

– Ройбен, неужели ты не понимаешь? Это же единственный нормальный ребенок-человек, который у тебя будет.

Он вскинул взгляд на Феликса, чувствуя, что его лицо расплывается в совершенно дурацкой улыбке. От неподдельного счастья ему хотелось смеяться в голос. А вот найти слов никак не мог.

Телефон зазвонил снова, но Ройбен будто не слышал звонка. В его мозгу мелькали разнообразные образы. А из хаоса противоречивых эмоций складывалось решение.

Феликс ответил на звонок и протянул телефон Ройбену.

– Твоя мать.

– Дорогой, надеюсь, ты обрадовался. Послушай, я сказала ей, что мы обо всем позаботимся. Ребенка мы возьмем себе. Я его заберу. И буду о нем заботиться.

– Мама, ребенок будет со мною, – сказал он. – Мама, я счастлив, честное слово. Даже не знаю, как это выразить. Я пытался сказать это Селесте, но она не стала меня слушать. Не захотела. Мама, я очень счастлив. Господи, да я на седьмом небе!

Тут он вспомнил те обидные вещи, которые наговорила ему Селеста, и снова растерялся. Не могла она просто так, впустую, удариться во все эти оскорбления. Интересно, что же она имела в виду? Хотя все было не важно. Значение сейчас имел только ребенок.

– Ройбен, я была уверена, что ты решишь именно так, – звучал в трубке голос Грейс. – Знала, что ты нас не подведешь. Она сообщила мне о беременности, когда уже получила назначение на аборт! Но я сказала ей: «Селеста, прошу тебя, не делай этого». Ройбен, она и сама не хотела делать аборт. Если бы хотела, то никому ничего не сказала бы. И мы так и остались бы в неведении. А так – она сразу же согласилась. Знаешь, Ройбен, сейчас она просто очень сердита.

– Но, мама, я просто не понял Селесту. А теперь остается только сделать все, что в наших силах, чтобы она была счастлива.

– Ну, конечно, Ройбен. Но ты должен понять, что родить ребенка совсем не так просто. Она уже уволилась со своей службы в управлении окружного прокурора и заявила, что намерена, когда все кончится, переехать в Южную Калифорнию. Морт пытается получить работу в Риверсайдском университетском колледже. И у него есть на это хорошие шансы. А я предлагала ей все, что она захочет, чтобы она могла начать жизнь заново, если останется здесь. Ну, сам понимаешь: дом, квартиру... Все, что в наших силах. Но она уперлась. Ну и пусть упирается. И будет счастлива.

– Мама, ты умалчиваешь о том, что сама собралась взять годичный отпуск, – сказал Ройбен. – Так вот, это ни к чему. – Он поднял взгляд на Феликса. Тот кивнул. – Мальчик будет расти здесь, со своим отцом. И тебе, мама, вовсе ни к чему портить ради него свою карьеру. Он будет жить здесь, со мною, а я буду каждую неделю привозить его на выходные. Через стенку от меня кабинет Лауры, но я переоборудую его в детскую. А кабинет можно будет перенести куда угодно – здесь полно свободных комнат. Лаура будет очень рада, когда узнает.

Его мать расплакалась. В трубке послышался голос Фила:

– Поздравляю, сын. Я очень рад за тебя. Знаешь, Ройбен, человек начинает по-настоящему понимать собственную жизнь не раньше, чем возьмет на руки своего первенца. Знаю, что это звучит банально, но это чистая правда. Скоро сам увидишь.

– Спасибо, папа, – сказал Ройбен, сам удивляясь тому, насколько обрадовался, когда услышал отцовский голос.

Они говорили еще несколько минут, а потом Грейс сказала, что должна позвонить Джиму. Что он до смерти боялся, что Селеста передумает и вернется к намерению сделать аборт, и ей необходимо сообщить ему, что все в порядке. Селеста собиралась прийти к ним на ленч, и если Ройбен свяжется с цветочным магазином на Коламбус-авеню, оттуда успеют к часу доставить букет. Не будет ли Ройбен любезен это сделать?

– Да, – ответил он, – я немедленно это сделаю. И, мама, послушай, я сам за все заплачу. Сам позвоню Саймону Оливеру. Позволь мне самому все организовать.

– Нет-нет, этим займусь я, – возразила Грейс. – Ройбен, положи руку на сердце, ты же наш единственный ребенок. Джим – католический священник, и этим все сказано. У него никогда не будет ни жены, ни детей. Я уже давно смирилась с этим. И когда нас не станет, все, что у нас есть, перейдет к тебе. И поэтому совершенно безразлично, кто из нас будет обеспечивать Селесту.

И она отключила связь, оставив последнее слово за собой.

Ройбен сразу же набрал номер цветочного магазина.

– Что-нибудь внушительное и радующее глаз, – сказал он мужчине, снявшему трубку. – Даме нравятся розы любых цветов, но мне хотелось бы, чтоб вы сделали букет в весеннем стиле, – добавил он, глядя в окно на мутно-серое небо.

Покончив со всем этим, он наконец взял чашку с кофе, сделал большой глоток, откинулся на спинку кресла и задумался. Он только что заверил мать, что Лаура будет рада, но

на самом-то деле никак не мог предугадать ее реакцию. Зато в словах Феликса он несколько не сомневался.

Судьба преподнесла ему единственный в своем роде подарок.

Да, кроме этого ребенка, он никогда больше не сможет стать отцом обычному человеку. Ему вдруг стало страшно от мысли, что этого могло не случиться. Но это случилось. Он будет отцом. Он «подарит» Грейс и Филу внука, и этот внук будет целиком и полностью человеком и сможет расти у них на глазах. Невозможно было знать заранее, какие еще сюрпризы на этот счет приготовил ему мир, но случившееся изменило все. Его переполняла благодарность, благодарность неизвестно толком к кому или чему – к Грейс, уговорившей Селесту, и к Селесте, которая родит ему ребенка, и к Селесте за то, что она существует, и судьбе за то, что у них с Селестой случилось то, что случилось. А потом слова и вовсе иссякли.

Феликс молча смотрел на него, стоя спиной к огню. Он улыбался, но его глаза были подернуты слезой и заметно покраснели. Лицо его было грустным, а улыбку можно было бы, пожалуй, назвать философской.

– Я рад за тебя, – прошептал он. – Очень рад. Даже выразить не в состоянии.

– Видит бог, – сказал Ройбен, – за этого ребенка я готов отдать ей все, что у меня есть.

А она меня ненавидит.

– Нет, сынок, не ненавидит она тебя, – поправил его Феликс. – Просто, она тебя не любит и никогда не любила, а теперь ее мучает совесть, и ей неловко.

– Вы так думаете?

– Конечно. Я понял это с первой же встречи с нею, когда слушал ее бесконечные разговоры о твоём «равнодушии ко всему на свете», и «безответственном поведении», и о том, как, по ее мнению, тебе следует планировать дальнейшую жизнь.

– Подумать только, все это знали, – сказал Ройбен. – Все на свете. Кроме меня. Но в таком случае почему она вообще водилась со мною?

– Трудно сказать, – ответил Феликс. – Но заводить сейчас ребенка она не хочет и поэтому официально отдаст его тебе. Я на твоём месте постарался бы действовать побыстрее. А потом она с радостью выйдет замуж за твоего лучшего друга Морта, к которому пока что не испытывает смертельной обиды, и, возможно, со временем заведет ребенка от него. Она женщина практичная, красивая и очень сообразительная.

– Что есть, то есть, – согласился Ройбен.

В голове у него путались самые разнообразные мысли о белье для младенца, о колыбелях и няньках, книжках с картинками, мелькали мимолетные сцены, в которых мальчик сидел на подоконнике окна с красивыми ромбовидными стеклами, а он, Ройбен, читал ему вслух. В конце концов, все любимые детские книжки Ройбена до сих пор хранились на чердаке дома на Русском холме – и «Остров сокровищ» с великолепными иллюстрациями, и «Похищенный», и восхитительные старые сборники стихов, которые так любил читать ему Фил.

В других эпизодах мальчик выходил из парадной двери с ранцем, полным учебников, на спине; видел его Ройбен и взрослым человеком. А будущее расслаивалось, путалось, расплывалось в тумане, в котором Ройбену предстояло покинуть теплый круг своей семьи, своего сына – предстояло, никуда от этого не деться, – иначе ему не удастся скрыть, что он не стареет и никак не меняется внешне, – но потом этот мальчик, этот молодой человек останется с ними, с Грейс и Филом, с Джимом и с Селестой, кстати, и, может быть, с Мортом – станет одним из них, когда Ройбен исчезнет неизвестно куда.

Он посмотрел на окно, и вдруг весь его маленький мирок развалился на мелкие части. В его памяти возникла Марчент, стоящая по другую сторону окна, и его вновь пробрал озноб.

Ему показалось, что он очень-очень долго неподвижно сидел, в полном молчании, а Феликс так же молча стоял у камина.

– Мой мальчик, – ласково сказал Феликс. – Я понимаю твое состояние, и мне очень не хочется его нарушать, но я подумал... Не съездишь ли ты вместе со мною на кладбище Нидека? Мне кажется, ты был бы не против. Сегодня утром я поговорил с нашим поверенным, Артуром Хаммермиллом, ты знаком с ним. И, судя по всему, Марчент все-таки похоронили здесь.

– О, да, конечно, я пойду с вами, – ответил Ройбен. – Но сначала мне следует кое-что рассказать вам. Я снова видел ее. Минувшей ночью.

И он не торопясь, методично, в подробностях, рассказал Феликсу о недавних событиях.

8

Под низко нависшим свинцовым небом, из которого на раскинувшиеся вокруг леса сеялся мельчайший дождь, они направились на нидекское кладбище. Феликс сам сел за руль своего громоздкого седана «Мерседес».

По его словам, Артур Хаммермилл – в соответствии с завещанием Марчент – распорядился похоронить ее в фамильном мавзолее. Хаммермилл лично провел небольшую церемонию, на которой (хотя никаких извещений адвокат не делал) присутствовали несколько обитателей Нидека, в том числе Гэлтоны и их родственники. Что же касается братьев-убийц, то их кремировали, согласно указаниям, которые они оставили своим «друзьям».

– Мне очень стыдно, что я до сих пор не побывал на ее могиле, – сказал Ройбен. – Очень стыдно. Наверняка что-то держит ее в таком состоянии, и она несчастна.

Феликс молча смотрел на дорогу.

– Я и сам не был на ее могиле, – наконец сказал он со страданием в голосе. – У меня правда были довольно веские основания думать, что она похоронена в Южной Америке. Но это меня не оправдывает. – Он говорил напряженным голосом, словно пребывал на грани нервного срыва. – Она ведь была последней из моих кровных потомков.

Ройбен взглянул на него. Ему очень хотелось спросить, как же вышло, что род заглох.

– Насколько я знаю, она действительно была последней представительницей моего рода. А все прочие ветви постепенно завяли и отмерли. А я даже не навестил ее могилу, да, не навестил до сих пор. Наконец-то мы сподобились это сделать. И теперь побываем на ее могиле вместе.

Кладбище находилось на окраине городка и занимало территорию, соответствующую двум кварталам, зажатую со всех четырех сторон сгрудившимися на холмах домами. Дорога, которая вела туда, была изрыта кое-как заделанными выбоинами, зато дома по сторонам – небольшие, простенькие, фахверковые домики с острыми крышами, выдержанные в добром старом викторианском стиле, – были как раз такими, какие всегда нравились Ройбену в бесчисленных старинных викторианских поселениях Калифорнии. Часть домов сияла свежими красками пастельных тонов, и от зрелища этой белой оторочки города у Ройбена стало чуть легче на душе. В окнах тут и там мигали разноцветные рождественские электрические гирлянды. И само кладбище, обнесенное железным забором с острыми пиками наверху и несколькими открытыми воротами, где среди ухоженной травы возвышались старинные надгробья, тоже выглядело очень живописно.

Дождь стих, и зонтики, которые они предусмотрительно захватили, сейчас не требовались, но Ройбен, которого тряс нервный озноб, все же поправил кашне. Над головами нависало темно беспросветное небо, верхушки деревьев недалекого леса окутывал белый туман.

Могила в большинстве были отмечены маленькими камнями округлой формы, многие из которых были украшены пышными орнаментами, глубоко высеченные надписи сообщали имена погребенных, а кое-где Ройбен углядел и стихотворные эпитафии. Посреди этой каменной россыпи возвышался небольшой мавзолей, сложенный из каменных блоков, с плоской крышей и железной дверью, над которой изящным шрифтом была выполнена надпись «НИДЕК». Справа и слева находились еще несколько могильных камней с такой же фамилией.

Дверь была заперта, но у Феликса, естественно, оказался ключ.

Когда ключ заскрипел в старом замке, Ройбен встревожился было, но уже через несколько секунд они стояли в очень пыльном тесном коридорчике, куда через единственное витражное окошко в противоположной стене падал тусклый свет. По обеим сторонам располагались возвышения, вероятно, гробницы.

Марчент покоилась справа. В ногах или в головах у нее – Ройбен не знал – положили многоугольную плиту. На ней было написано имя, Марчент София Нидек, и, к изумлению Ройбена, строчка стихов: «Мы должны любить друг друга или умереть». И подпись мелкими буквами: «У. Х. Оден».

У Ройбена закружилась голова, к горлу подступила тошнота. Ему показалось, что он заперт в ловушке и вот-вот упадет в обморок.

Он поспешно вышел наружу, в промозглую зимнюю сырость, оставив Феликса одного в склепе. Его трясло, и он некоторое время стоял неподвижно, борясь с тошнотой.

Осознание того, что Марчент мертва, стало еще страшнее – невыносимо страшным. Он видел перед собою лицо Селесты, видел окутанный мягким световым ореолом образ ребенка, о котором теперь начал мечтать, видел лица всех любимых людей, среди которых была Лаура, прекрасная Лаура, а скорбь по Марчент ощущал как тошноту, которая грозила вывернуть его наизнанку.

Неужели это одна из великих тайн жизни? – рано или поздно примиряешься с потерей, а потом, по всей вероятности, с новыми и новыми потерями, но, возможно, каждый следующий раз будет даваться не легче, чем этот, и каждый раз будешь думать о том, что случится с тобою, вот только со мною этого не случится. Никогда. И я попросту не могу представить себе все это въяве.

Он тупо глядел в пространство и почти не видел мужчину, который вышел из грузовика, остановившегося за оградой, и зашагал по кладбищу, держа в руках большой букет из белых роз и зеленых листов папоротников, вставленный, кажется, в каменную вазу.

Он подумал о розах, которые послал Селесте, и ему захотелось плакать. Он снова увидел искаженное страданием лицо Марчент – рядом с собой, совсем близко. Ему казалось, что здесь он может сойти с ума.

Когда незнакомец приблизился к мавзолею, Ройбен отошел в сторону, но все равно слышал, как Феликс благодарил за доставку цветов и говорил, что их нужно поставить снаружи. Слышал, как ключ со скрежетом проворачивался в замке. Потом рассыльный ушел, а Ройбен все смотрел на длинный ряд тисов, отделявших кладбище от хорошеньких домиков, стоявших через дорогу. Деревца настолько вытянулись, что утратили свою живописную привлекательность. Но до чего же милы эркеры, окаймленные гирляндами из красных и зеленых лампочек! Как хороши резные наличники и карнизы, украшающие фасады! А за домами сплошной массой высятся темные сосны. Вернее, лес наваливается со всех сторон, и дома, куда ни посмотри, выглядят на фоне громадных пихт дерзкой мелюзгой. Деревья же по сравнению с миниатюрным городским пейзажем и стадом малоприметных надгробий, разбредшихся по бархатной траве, кажутся совершенно несопоставимыми с ними по масштабу.

Ему хотелось вернуться назад, отыскать Феликса, сказать ему что-нибудь умиротворяющее, но он настолько глубоко погрузился в видения минувшей ночи – перед ним стояло лицо Марчент, он ощущал прикосновение ее холодной ладони к своей руке, – что не мог ни пошевелиться, ни вымолвить слова.

За спиной он услышал голос Феликса:

– Ее ведь здесь нет, верно? Ты не ощущаешь ее присутствия.

– Не ощущаю, – подтвердил Ройбен. – Ее лицо, искаженное страданием, навсегда отпечаталось в моей душе. Но здесь ее нет, и здесь невозможно помочь ей обрести покой.

Но где же она? Где она сейчас пребывает?

Они направились домой по главной улице Нидека, где всюду шло санкционированное городскими властями украшение города к Рождеству. Там все продолжало меняться. Трехэтажное здание «Таверны» совершенно преобразилось от множества красных лампочек на крыше, двери магазинов – от висящих над ними венков, старомодные фонарные столбы – от обвивавших их зеленых листовых гирлянд. Тут и там копошились рабочие в тяже-

лых ботинках и желтых дождевиках. А прохожие останавливались и махали руками проезжавшей машине. Гэлтон и его жена, подходившие к «Таверне» – вероятно, направлялись на ленч, – тоже остановились и помахали.

Все это, похоже, изрядно воодушевило Феликса.

– Ройбен, – сказал он, – мне кажется, что наш скромный рождественский фестиваль должен получиться!

И лишь когда они снова выехали на узкую сельскую дорогу, Феликс негромко, очень мягко, с величайшей деликатностью сказал:

– Ройбен, у тебя нет желания рассказать мне, где ты был минувшей ночью?

Ройбен сглотнул. Ему хотелось ответить на этот вопрос, но он не знал, что сказать.

– Послушай, я же понимаю, – продолжал Феликс. – Вчера ты снова увидел Марчент. Это, конечно, совершенно вывело тебя из равновесия. И ты отправился на прогулку. Хотя лучше бы ты этого не делал.

Снова повисло молчание. Ройбен чувствовал себя напроказившим школьником, но и сам не мог понять, что именно заставило его уйти из дома. Да, он видел Марчент, и, по-видимому, его поступок был связан именно с этим. Но почему это событие пробудило в нем неудержимое стремление к охоте? Он не мог думать ни о чем, кроме кровавого триумфа убийства и последовавшего за расставанием с маленькой Сюзи Блейкли пробега через непроглядно темную лесную глушь наподобие Молодого Брауна из новеллы Готторна. Он чувствовал, что его щеки пылают – пылают от стыда.

Автомобиль катился в гору среди по той же узкой дороге, стиснутой между шеренгами высоченных деревьев.

– Ройбен, ты отлично знаешь, что мы хотим сделать, – сказал Феликс, терпение которого, казалось, не знало предела. – Мы стараемся вывозить тебя и Стюарта туда, где можно охотиться незамеченными и неопознанными. Но если вы будете гулять сами по себе, да еще и появляться в близлежащих городах, пресса снова возьмет нас в оборот. Репортеры будут осаждать тебя повсюду и пытаться насчет Человека-волка. Ведь по этой части ты главный знаток – не только единственный человек, укушенный Человеком-волком, но и видевший его, причем не раз, а дважды, и писавший о Человеке-волке как репортер. Видишь ли, мой мальчик, речь идет о том, уцелеет ли вообще Нидек-Пойнт и что будет со всеми нами.

– Я понимаю, Феликс. И очень сожалею. Я даже новости не посмотрел сегодня.

– Ну, я тоже не знаю сегодняшних новостей, но ты, Ройбен, бросил в котельной свою порванную и окровавленную одежду и одеяло в пятнах крови, а ведь любой морфенкинд сразу распознает человеческую кровь. Ты кем-то подзакусил, а это наверняка не останется незамеченным.

Щеки Ройбена уже горели огнем. Перед ним мелькали эпизоды последней охоты. Он вспомнил светящееся, будто озаренное пламенем свечи личико маленькой Сюзи, прижимавшееся к его груди. Он чувствовал себя сбитым с толку, как будто его нормальное тело, в котором он сейчас пребывал, являло собой некую иллюзию. Он тосковал по другому телу, другим мышцам, другим глазам.

– Феликс, но что мешает нам постоянно жить в лесу, ходить в собственных шкурах, жить как подобает зверям, которыми мы и являемся?

– Сам ведь отлично знаешь, – ответил Феликс. – Ройбен, мы люди. Люди. А у тебя скоро будет сын.

– У меня было ощущение, что я должен пойти, – чуть слышно сказал Ройбен. – Так я и поступил. Не знаю... Следовало сдержаться, я знал, что делаю глупость. Но, как перед богом, мне очень хотелось выйти. Причем одному. – Он поежился и, набравшись решимости, рассказал-таки короткую историю о девочке из трейлера. И заодно о том, как похоронил то,

что осталось от тупа. – Феликс, я застрял между двумя мирами и должен был прорваться в тот, другой, мир. Должен был.

Феликс немного помолчал.

– Я знаю, Ройбен, что это очень заманчиво. А эти люди воспринимают нас как божьих посланников.

– Феликс, но сколько же народу вот так страдает! Эта девочка находилась в полусотне миль отсюда. Они же вокруг нас, повсюду!

– Ройбен, это часть нашего бремени. Элемент Хризмы. Мы не в состоянии спасти всех. А если попытаемся, то все погубим и в том числе самих себя. Невозможно превратить нашу территорию в наши владения. Те времена давным-давно прошли. А мне, мой мальчик, вовсе не хочется так скоро вновь потерять Нидек-Пойнт. Не хочу, чтобы тебе, или Лауре, или любому из нас пришлось бежать отсюда! Ройбен, не отрекайся пока что от своей смертной жизни, не рви связи, которые соединяют тебя с нею. Знаешь, это моя вина. Моя и Маргона. Мы не обеспечивали вас, молодежь, охотой вдоволь. Позабыли, какими бывают первые годы. Ройбен, все изменится, обещаю тебе.

– Феликс, мне очень жаль. Но знаете, эти первые дни, первые горячечные дни, когда я не знал ни кто я, ни что я, ни что будет дальше – не знал, есть ли еще мне подобные или я единственный в мире человек-зверь, – я испытывал совершенно незнакомую мне безрассудную свободу. И мне нужно привыкнуть к тому, что я не могу, как только захочу, выскользнуть наружу и сделаться Человеком-волком. Но я работаю над этим, Феликс.

– Это я знаю, – с досадливым смешком ответил Феликс. – Конечно, знаю. Ройбен, Нидек-Пойнт стоит жертвы. Кем бы мы ни стали, куда бы ни направились, нам необходима тихая гавань, убежище, святыня. Мне это необходимо. И всем нам.

– Я понимаю, – сказал Ройбен.

– Хотелось бы надеяться. Человек, который не стареет, не меняется с годами... как такой человек может содержать фамильную усадьбу, сохранять за собой землю? Ты пока не можешь представить себе, что значит покинуть все, что было для тебя свято, потому что иначе нельзя. Свою неизменяемость приходится скрывать, нужно, чтобы твоя персона полностью пропала для всех, кого ты любил. Приходится покинуть свой дом, свою семью и через несколько десятков лет в ином облике вернуться к совершенно незнакомым людям и изображать из себя давно пропавшего дядюшку или внебрачного сына...

Ройбен кивнул.

Он никогда прежде не слышал в голосе Феликса столько боли, даже когда тот говорил о Марцент.

– Я родился в самом красивом месте, какое только можно представить, – сказал Феликс, – близ Рейна, над альпийской долиной, которая очень походила на земной рай. Я ведь уже говорил тебе об этом, да? И давным-давно лишился всего этого. Лишился навсегда. Да, сейчас у меня вновь появилась собственность – вот эта земля, эти старинные дома. Я купил все это – от приклада до мушки. Но это не мой дом, не моя святыня. Такое нельзя вернуть. Это новое для меня место, наделенное всем, что может обещать новый дом в предстоящем времени, и это лучшее, на что я могу здесь рассчитывать. Но мой настоящий дом... он утрачен безвозвратно.

– Я понимаю, – сказал Ройбен. – Правда понимаю. Понимаю настолько, насколько способен понять. Не знаю, как это у меня получается, но понимаю.

– Но Нидек-Пойнт время еще не поглотило, – продолжал Феликс все тем же сдержанным тоном. – Нет. Пока еще – нет. У нас еще есть время для того, чтобы породниться с Нидек-Пойнтом, прежде чем придется бежать отсюда. А у тебя этого времени немало, совсем немало. И ты, и Лаура. И твой сын сможет вырасти в Нидек-Пойнте. Мы сможем

прожить здесь изрядный кусок жизни. – Феликс умолк, по-видимому, заставив себя прервать монолог.

Ройбен помолчал, пытаясь найти слова для того, чтобы выразить свои чувства.

– Феликс, я больше не буду делать глупостей, – сказал наконец он. – Клянусь. Я сделаю все, чтобы сохранить то, что у вас сложилось.

– Ройбен, ты должен сохранить это ради себя самого, – ответил Феликс. – Забудь обо мне. Забудь о Маргоне, о Фрэнке, о Сергее. О Тибо. Ты должен сохранить это для себя и Лауры. Ройбен, тебе уже довольно скоро предстоит лишиться всего, что у тебя есть. Так не выкидывай это раньше времени.

– Чтобы вы лишились этого, я тоже не хочу, – сказал Ройбен. – Я же знаю, что значит для вас Нидек-Пойнт.

Феликс промолчал.

Ройбена обуревали странные мысли.

Они обрели форму, лишь когда машина миновала ворота и въехала на пологий подъем, ведущий к самому дому.

– Что, если ей нужен Нидек-Пойнт? – негромко спросил он. – Что, если этот дом – священное убежище для Марчент? Феликс, что, если она видит потусторонний мир и не хочет уходить на другую сторону? Что, если она тоже хочет остаться здесь?

– В таком случае она избавится от страданий – после того, как вернется к тебе, так ведь получается? – отозвался Феликс.

Ройбен тяжело вздохнул.

– Да. Но, вообще, почему она может страдать?

– Известно, что мир полон призраками. Они могут находить себе прибежища где угодно, хоть рядом с нами. Но они не выказывают нам свою боль. И не преследуют нас, как она преследует тебя.

Ройбен покачал головой.

– Она здесь и не может прорваться. Она скитается здесь в одиночестве и отчаянно пытается добиться того, чтобы я увидел и услышал ее. – Он снова вспомнил свой сон, в котором Марчент находилась в комнатах, полных людьми, которые не замечали ее, сон, в котором он видел, как Марчент бежит одна через кромешную тьму. Он вспомнил и странные теневые фигуры, которые в этом сновидении смутно видел в глубине темного леса. Неужели они гнались за нею?

Так же вполголоса он пересказал свой сон Феликсу.

– Но там было что-то еще, – признался он, – а вот что – я забыл.

– Так всегда бывает со снами, – сказал Феликс.

Автомобиль остановился перед домом. Дальний конец террасы, протянувшийся вдоль скалы, терялся в дымке. Зато отчетливо слышались звуки пил и молотков, доносившиеся из дома для гостей, который находился ниже по склону. Рабочие трудились, невзирая на погоду.

Феликс поежился. Потом медленно набрал в грудь воздуха и, после долгой паузы, положил руку Ройбену на плечо. Как всегда, на душе у Ройбена от этого стало спокойнее.

– Ты храбрый мальчик, – сказал Феликс.

– Вы так думаете?

– О, да, несомненно. Потому-то она и пришла к тебе.

Ройбен совсем растерялся, запутался в бесчисленных мысленных картинках и полузабытых ощущениях. А поверх всего звучала навязчивая песня, которую в его сне играло призрачное радио в призрачной комнате, и этот завораживающий ритм лишил его способности пошевелиться.

– Феликс, этот дом должен быть вашим, – сказал он. – Мы не знаем, чего хочет Марчент, почему ее дух не знает покоя. Но раз уж я смелый мальчик, то должен это сказать. Это ваш дом, Феликс. Не мой.

– Нет, – ответил Феликс с чуть заметной досадливой улыбкой.

– Феликс, я же знаю, что вам принадлежит вся земля в округе, и до города, и к востоку, и к северу. Вы должны забрать и этот дом.

– Нет, – мягко, но решительно сказал Феликс.

– Если я официально передам его вам, то вы же никак не сможете мне воспрепятствовать...

– Нет, – сказал Феликс.

– Но почему?

– Потому что если ты это сделаешь, – глаза Феликса наполнились слезами, – у тебя больше не будет дома. И тогда вы с Лаурой можете уехать отсюда. А вы с Лаурой – теплый свет в сердце Нидек-Пойнта. Я не перенесу мысли о том, что вас тут не будет. Без вашего присутствия Нидек-Пойнт уже не будет моим домом, как прежде. Пусть все идет, как идет. Моя племянница отдала тебе этот дом, чтобы избавиться от него, избавиться от своей боли, избавиться от скорби. Пусть будет так, как она хотела. Ты ведь уже так и поступил. То есть фактически отдал мне этот дом. А владение множеством пустых комнат мало что дает, если дает вообще, если тут не будет вас.

Феликс открыл дверь машины.

– Пойдем-ка, – сказал он, – взглянем, как идут дела в доме для гостей. Хотелось бы, чтобы к тому времени, когда твой отец соберется нанести визит, он был готов.

Да, дом для гостей и обещание Фила приезжать на отдых и подолгу оставаться у сына. Фил совершенно определенно это обещал. А Ройбену очень хотелось, чтобы исполнению этого обещания ничего не помешало.

9

Вскоре выяснилось, что в новостях нет ни слова о новом появлении Человека-волка в Северной Калифорнии. Ройбен порылся в сети, посмотрел сайты всех известных ему местных агентств новостей. И газеты, и телевидение молчали. Лишь в «Сан-Франциско кроникл» вышла большая статья, где излагалась часть случившейся истории.

Сюзи Блейкли, восьмилетняя девочка, пропавшая еще в июле из своего дома в Юрике, наконец-то нашлась близ Маунтинвиля, городка на севере округа Мендосино. Власти получили окончательное подтверждение своему подозрению, что ее действительно похитил местный плотник, который держал ее взаперти в своем трейлере, часто избивал и морил голодом, пока она наконец-то не сбежала оттуда минувшей ночью.

Плотника, предположительно, загрызли дикие звери. Ребенок, переживший тяжелую психическую травму от перенесенных страданий, подтвердил это, хотя и не смог рассказать, как именно все случилось.

В газете поместили фотографию Сюзи – ту самую, которую печатали в объявлениях о розыске. На газетной полосе, словно ореол пламени свечки, светилось овальное личико.

Ройбен прогуглил историю события. Ее родители, которые, судя по всему, были вполне добропорядочными людьми, дали множество объявлений в средствах массовой информации. А пожилую леди – пастора Корри Джордж, которой Ройбен передал девочку, – в газете не упоминали вообще.

Неужели священнослужительница и маленький ребенок договорились молчать о Человеке-волке? Ройбен не на шутку удивился этому. Удивился и встревожился. Каким бременем эта тайна должна стать для этих ни в чем не повинных людей! Ему было очень стыдно, и все же он твердо знал, что, не пойдя он тогда в лес, эта драгоценная маленькая жизнь неминуемо угасла бы в грязном вонючем трейлере.

В ходе позднего ленча, за которым прислуживала только домоправительница Лиза, Ройбен заверил Почтенных джентльменов в том, что никогда больше не допустит подобной опрометчивости, которая может раскрыть их тайну. Стюарт бросил несколько кислых замечаний по поводу того, что Ройбену, дескать, следовало взять его с собой, но Маргон коротким, но выразительным жестом заставил его заткнуться и вернул разговор к «замечательной новости» от Селесты.

Впрочем, это не помешало Сергею (к которому присоединился и Тибо) прочесть Ройбену продолжительную нотацию насчет того, насколько рискованным был его поступок. Сошлись на том, что в субботу сядут в самолет и улетят на пару дней куда-то «в джунгли» Южной Америки, где смогут поохотиться вдосталь, а потом вернуться домой. Стюарт пришел в восторг. А Ройбен испытал нечто вроде «низкой активации», очень схожее с сексуальным желанием. Он сразу увидел и ощутил себя в джунглях, представил себе шелестящий полог пропитанной сыростью зелени – ароматной, тропической, восхитительной и совершенно несхожей с мрачным холодным Нидек-Пойнтом, и мысль о том, что ему предстоит оказаться в этом непроницаемом для посторонних взглядов и не знающем законов мире и искать там «чрезвычайно опасную дичь», на некоторое время лишила его дара речи.

До ужина Ройбен успел поговорить с Лаурой, которая искренне обрадовалась развитию событий, а потом вместе с Лизой перенес вещи Лауры в другую комнату, находившуюся в восточной части дома. Такое местоположение должно было полностью устроить Лауру, поскольку туда вливались в окно лучи утреннего солнца, и там было заметно теплее, чем во всех помещениях Нидек-Пойнта, обращенных к океану.

Ройбен с полчаса бродил по опустевшей спальне, представляя себе будущую детскую, а потом отправился проверить, как обстоят дела с более насущными потребностями. Лиза

бодро тараторила о том, что ему нужно будет завести настоящую немецкую няню, которая будет ночевать в детской, пока ребенок маленький, о прекрасных швейцарских магазинах, где можно заказать лучшие в мире товары для младенцев, и о том, что для малыша необходимо будет подобрать красивую мебель, повесить картины и с первых дней давать ему слушать музыку Моцарта и Баха.

– Что касается няни, то советую доверить ее выбор мне, – решительно заявило Лиза, расправляя белые шторы. – А уж я найду вам лучшую. У меня уже есть одна на примете. Моя замечательная подруга, о, да, поистине замечательная. Вы спросите герра Феликса. И вы доверьтесь мне.

Предложение вполне устроило Ройбена, однако его вдруг зацепила какая-то странность в облике и поведении собеседницы. Когда Лиза повернулась и улыбнулась ему, он испытал какую-то тревогу. Что-то в ее словах и в ней самой было не так, но он лишь дернул плечом.

Лиза вытирала пыль со стола Лауры. Она всегда одевалась строго и даже подчеркнуто старомодно, но движения ее были точными и очень экономными. Это, да и все ее поведение, слегка озадачивало Ройбена, однако он никак не мог понять, что же именно кажется ему неуместным.

Она была худощавой, даже, пожалуй, тощей, но необыкновенно сильной. Он заметил это, когда она открыла окно, наглухо заклеенное свежей краской. Но этим ее необычные ухватки не исчерпывались.

В следующие минуты она села за стол, включила компьютер Лауры и буквально несколькими движениями убедилась, что компьютер, как положено, подключен к сети.

«Ройбен Голдинг, ты сексист, – безмолвно упрекнул он себя. – Ну, что удивительного в том, что сорокапятiletняя женщина из Швейцарии умеет обращаться с компьютером?» Он и прежде не раз видел Лизу за компьютером в прежнем кабинете Лизы. И она вовсе не тыкала наугад по клавишам.

Она, похоже, заметила, что он присматривался к ней, и одарила его на удивление холодной улыбкой. А затем, прикоснувшись мимоходом ладонью к его рукаву, вышла из комнаты.

Она была привлекательна – в этом он не мог и не хотел отказать, – но имелось в ее облике и повадках что-то мужское, и ее шаги, доносившиеся из коридора, звучали совсем как мужские. «Просто бессовестный сексизм, – подумал он. – Прекрасные серые глаза и кожа, на вид нежная, как пудра, и что же он себе выдумывает?»

Тут до него дошло, что он никогда не обращал особого внимания на Хедди и Жана-Пьера. Вернее сказать, он слегка стеснялся их, потому что никогда не имел дела с «прислугой», как привычно называл этих людей Феликс. Но и в них было что-то странное – их переговоры шепотом, почти неуловимые движения и то, что они никогда не смотрели ему в глаза.

Ни один из этих людей никогда не проявлял ни малейшего интереса к разговорам, которые велись в их присутствии, и теперь, когда он об этом подумал, ему показалось странным, что Почтенные джентльмены совершенно открыто говорили за едой о таких вещах, которые заставили бы постороннего человека самое меньшее удивленно вскинуть брови, но такого никогда не случалось. Более того, никто из сидевших за столом никогда не понижал голоса в присутствии слуг.

Впрочем, Феликс и Маргон этих самых слуг знали очень хорошо, так что с какой стати ему сомневаться в них, тем более что они очень услужливы и благорасположены ко всем обитателям дома. Так что пусть все идет своим чередом. Но ведь скоро тут появится ребенок, и теперь ему, хочешь не хочешь, придется думать о многих вещах, на которые он прежде не обращал внимания.

К вечеру Селеста решила немного изменить условия соглашения.

Морт после продолжительных напряженных раздумий решил, что не видит совершенно никаких причин для того, чтобы становиться официальным мужем, и Селеста с ним

согласилась. Сошлись на том, что Ройбен в пятницу приедет в Сан-Франциско и без особых церемоний зарегистрирует в мэрии брак с Селестой. К счастью, по калифорнийским законам для этого не требовалось ни анализов крови, ни времени на раздумья, и Саймон Оливер уже подготовил коротенький добрачный контракт, в котором предусматривался развод по обоюдному согласию после рождения ребенка. Грейс взяла на себя финансовое обеспечение контракта.

Селеста и Морт уже поселились в доме на Русском холме, где им предоставили спальню для гостей. Они будут жить с Филом и Грейс, пока ребенок не появится на свет и не переедет к своему отцу. Но присутствовать на церемонии бракосочетания Морт не пожелал.

Да, призналась Грейс, Селеста в ярости и злится на весь мир. Так что приготовься слушать оскорбления. Она злится, что забеременела, и почему-то Ройбен стал в ее глазах архизлодеем, но «мы должны думать о ребенке». Ройбен с этим согласился.

Ошарашенный и тоже злой Ройбен позвонил Лауре. Та не имела ничего против его женитьбы. У Ройбена будет во всех отношениях законный сын. Почему бы и нет?

– Ты не хотела бы пойти со мною? – спросил Ройбен.

– Конечно, пойду, – ответила она.

10

Среди ночи его разбудил вой – тот самый вой одинокого морфенкинда, который он слышал минувшей ночью.

Было около двух. Он не знал, как долго это продолжалось до того, как звук проник в его хаотичные сновидения и заставил вернуться к реальности. В спальне было темно. Он сел и прислушался.

А вой все продолжался, но постепенно делался тише, как будто морфенкинд неторопливо удалялся от Нидек-Пойнта. В нем слышались те же горестные, трагические интонации, как и прежде. Звук был поистине зловещим. А потом Ройбен перестал его слышать.

Через час, убедившись в том, что уснуть больше не удастся, Ройбен надел халат и отправился прогуляться по коридорам второго этажа. На душе у него было тревожно. Он знал, чего хочет. Он искал Марчент. Ему было мучительно больно ждать, когда же она сама наконец отыщет его.

Честно говоря, ее появления он ожидал примерно с таким же волнением, с каким ожидал преобразования в волка в дни после того, когда это случилось с ним впервые, и это наполняло его душу ужасом. Но прогулка по коридорам успокоила его нервы. Там было полутемно, светились лишь несколько ламп в бра – не ярче ночников, – зато он хорошо видел, как красиво блестит пол.

Запах воска казался ему чуть ли не восхитительным.

Ему нравились эти просторные коридоры, твердое дерево, которое лишь чуть слышно поскрипывало под подошвами тапочек, и попадавшиеся по сторонам открытые двери свободных комнат, за которыми чуть виднелись бледные прямоугольники незанавешенных окон, а сквозь них – слабо светящееся сырое темно-серое ночное небо.

Он прошел по боковому коридору и свернул в одну из маленьких комнат, где никто не жил с тех самых пор, как появился в доме, и, подойдя к окну, попытался разглядеть раскинувшийся за домом лес.

Там он снова прислушался, пытаясь уловить вой, но ничего не услышал. Ему удалось разглядеть тусклый свет на втором этаже хозяйственного домика, находившегося слева. Он подумал, что свет горит, вероятно, в комнате Хедди, но не был уверен в этом.

Зато в лесу он не видел почти ничего.

По его телу пробежал озноб, кожу закололо мурашками. Он застыл на месте, ясно сознавая, что это вновь рвется наружу его волчья шерсть, но не понимая, почему это с ним сейчас происходит.

Потом, постепенно продолжая чувствовать щекотку лицом и кожей головы, он стал улавливать звуки, доносившиеся из темноты, глухой треск веток и какие-то невнятные рык и ворчание. Он прищурился, чувствуя, как в артериях пульсирует волчья кровь, как удлиняются пальцы, и с трудом, но все же разглядел невдалеке от здания, почти на краю леса, две фигуры – две волчьих фигуры, которые, похоже, только что не дрались – толкались и при этом жестикулировали совсем по-человечьи. Несомненно, морфенкиндеры, но кто именно?

До этой минуты он был уверен, что легко узнает любого из них даже в волчьей шкуре. Но сейчас затруднялся сказать, кто же именно находился на улице. Несомненно было, что на его глазах происходила ожесточенная ссора. Неожиданно более высокий морфенкинд швырнул того, что поменьше, о закрытую дверь сарая. Дерево отозвалось глухим гулом, как будто ударили в барабан.

Низкорослый отозвался на это продолжительной гневной тирадой, а высокий повернулся к нему спиной, воздел руки и разразился скорбным, но тщательно модулированным воем.

Маленький бросился на большого, но тот отшвырнул его и снова завыл, задрав голову.

От увиденного Ройбен оцепенел. Трансформация в нем обрела новую силу, и он отчаянно пытался подавить ее.

Из этого состояния его вывел звук тяжелых шагов за спиной. Резко обернувшись, он узнал в полутьме коридора знакомую фигуру Сергея.

– Не обращай на них внимания, волчонок, – хриплым баритоном сказал он. – Пусть себе дерутся.

Ройбена трясло. По его телу пробегали одна за другой мощные волны озноба, а он боролся с начинающейся трансформацией и в конце концов одолел ее. Ему казалось, что он голый, его била дрожь.

Сергей подошел поближе и посмотрел через его плечо во двор.

– Пусть поругаются, выпустят пар, – сказал он. – По-моему, самое лучшее, что можно сделать, – это оставить их в покое.

– Это же Маргон и Феликс, да?

Сергей взглянул на Ройбена с неподдельным удивлением.

– Я и сам не знаю, почему так решил, – признался Ройбен.

– Да, это Маргон и Феликс, – подтвердил Сергей. – Но это ерунда. Позовет Феликс Лесных джентри или нет, они все равно придут в конце концов.

– Лесные джентри? – удивился Ройбен. – Но кто это такие?

– Не забивай себе голову, волчонок, – посоветовал Сергей. – Лучше иди своей дорогой, а они пусть выясняют свои отношения. Лесные джентри всегда приходят в солнцеворот. Когда мы будем танцевать в рождественский сочельник, Лесные джентри будут рядом с нами. Они будут играть нам на своих волынках и барабанах. Никакого вреда от них не будет.

– Но я ничего не понимаю, – сказал Ройбен и снова посмотрел на поляну за сараем.

Теперь Феликс стоял там один. Повернувшись к лесу и вскинув голову, он испустил еще один заунывный вой.

Сергей повернулся, чтобы уйти.

– Пойдите, – окликнул его Ройбен. – Но из-за чего они ссорятся?

– Ты так взволновался из-за этой ссоры? – усмехнулся Сергей. – Придется привыкать. Так у них заведено. И всегда было. Это Маргон привел человеческую родню Феликса в наш мир. Так что Маргона и Феликса никогда и ничего не рассорит.

Сергей вышел из комнаты. Ройбен услышал, как поблизости закрылась дверь.

Издали донесся негромкий вой.

Четыре часа ночи.

Ройбен уснул в библиотеке. Он сидел в любимом кресле Феликса перед камином, положив ноги на решетку. Перед этим он немного поработал на компьютере – пытался узнать что-нибудь о Лесных джентри, но не встретил ни единого упоминания. А потом устроился перед камином, закрыл глаза и стал мысленно призывать Марчент явиться и рассказать ему, что же заставляет ее страдать. Сон пришел довольно скоро, а вот Марчент так и не явилась.

Проснувшись, он сразу же понял, что пробудился не сам по себе, что его что-то разбудило.

В камине горел несильный, но устойчивый огонь, потому что туда подложили дров – большое толстое дубовое полено лежало на кучке углей, которую он сам нагреб два часа назад. Перед глазами плясало яркое пламя, а вокруг лежали сплошные тени.

Но в темной комнате кто-то двигался.

Он медленно повернул голову налево и выглянул из-за «крыла» спинки кожаного кресла. И увидел хрупкую фигуру Лизы. Домоправительница проворно поправила бархатные шторы с левой стороны большого окна. Потом, легко наклонившись, собрала в стопку книги, лежавшие на полу.

А у окна, с бессильным гневом глядя на нее, сидела Марчент.

Ройбен не мог пошевелиться. Не мог вдохнуть или выдохнуть. Развернувшаяся перед ним сцена напугала его сильнее, чем мог бы любой призрак: живая Лиза и привидение совсем рядом с нею. Он открыл рот, но не смог издать ни звука.

Марчент же провожала тревожным взглядом любое самое маленькое движение Лизы. Мучение. Вот Лиза еще придвинулась к призрачной фигуре и принялась поправлять бархатные подушки на подоконнике. Когда она подошла почти вплотную к сидящей фигуре, обе женщины посмотрели друг на дружку.

У Ройбена перехватило горло, ему показалось, что он сейчас задохнется.

Марчент яростно и горько посмотрела на женщину, которая в самом буквальном смысле потянулась сквозь нее. При этом бесчувственная Лиза, похоже, глядела прямо на Марчент.

Ройбен вскрикнул.

– Не трогайте ее! – сказал он, не успев даже понять, что делает. – Не издевайтесь над нею. – И он вскочил на ноги, дрожа от гнева.

Марчент повернула голову к нему, а за нею и Лиза. Потом Марчент вскинула руки, потянулась к нему и в следующую секунду исчезла.

Ройбен почувствовал прикосновение, прикосновение ее ладоней к своим предплечьям, а затем щекотное прикосновение ее волос и губ, а потом все кончилось, совсем кончилось. Огонь в камине взметнулся, пламя загудело, как будто подхваченное порывом ветра. Бумаги на столе зашуршали, и все стихло.

– О, боже! – чуть не плача, воскликнул Ройбен. – Ну, конечно, вы же не видели ее!.. – Он заметно заикался. – Она была здесь, сидела на подоконнике. О, боже! – Он почувствовал, что его глаза заполнились слезами, а дыхание вновь перехватило.

Молчание.

Он поднял голову.

Лиза стояла на том же месте, перед честерфильдовским диванчиком, и на ее лице с тонкими чертами играла та же холодная улыбка, которую он видел сегодня днем. Со своими гладко причесанными и собранными в тугой пучок волосами, в черном шелковом платье, целомудренно спускавшемся до самых лодыжек, она казалась одновременно и старой, и юной.

– Конечно, я ее видела, – сказала она.

От этих слов Ройбена прошиб пот. Он почувствовал, как струйки поползли по груди.

А она шагнула к нему, продолжая говорить с искренне заботливой интонацией:

– Я увидела ее, как только вошла, – сообщила она с высокомерным или, может быть, слегка покровительственным выражением лица.

– Но вы же протянули руку прямо сквозь нее, как будто ее там не было, – сказал Ройбен; по его щекам сбегали слезы. – Как вы могли так поступать с нею?

– А что мне оставалось делать? – удивилась женщина и вздохнула, явно пытаясь смягчить свой тон. – Она же не знает, что умерла! Я говорила ей, но она не поверила! Неужели я должна обращаться с нею как с живым человеком? Это ей не поможет!

Ройбен снова остолбенел.

– Погодите-погодите... Что значит: не знает, что умерла?

– Она не знает, – повторила женщина, чуть заметно пожав плечами.

– Это... это же ужасно... – пробормотал Ройбен. – Не могу поверить, чтобы кто-то мог не знать, что умер. Не могу...

Лиза подняла руку и мягко, но решительно подтолкнула Ройбена к креслу.

– Присядьте, – посоветовала она. – А я принесу вам кофе, раз уж вы проснулись и ложиться снова в постель нет никакого смысла.

– Пожалуйста, оставьте меня, – почти выкрикнул Ройбен. У него вдруг страшно заболела голова.

Он посмотрел в глаза Лизы. Что-то в ней было не так, сильно не так, вот только он не мог понять, что именно.

Что-то смущало его в ее уверенных движениях, ее странные манеры казались столь же пугающими, как и видение плачущей Марчент, рассерженной Марчент, исчезновение Марчент.

– Как она может не знать, что умерла? – резко спросил он.

– Я же говорю вам, – негромко, но со сталью в голосе ответила женщина. – Она в это не верит. Могу сказать, что такое случается сплошь и рядом.

Ройбен опустился в кресло.

– Не нужно ничего мне приносить. Оставьте меня в покое.

– Это значит, – ответила она, – что вы не хотите ничего брать из моих рук, потому что сердиты на меня.

За спиной Ройбена раздался мужской голос. В библиотеку вошел Маргон.

Он резко сказал что-то по-немецки, и Лиза, опустив голову, тут же вышла из комнаты.

Маргон подошел к стоявшему напротив камина честерфильдовскому диванчику и уселся на него. Одет он был только в джинсы и джинсовую рубашку и тапочки на босу ногу. Его распущенные, достававшие до плеч каштановые волосы были взлохмачены, а лицо выражало теплое и искреннее сочувствие.

– Не обращай внимания на Лизу, – сказал он. – Она должна делать свое дело и ничего больше.

– Она мне не нравится, – сознался Ройбен. – Стыдно это говорить, но это правда. Но сейчас это волнует меня меньше всего.

– Я знаю, что тебя волнует, – сказал Маргон. – Но, Ройбен, часто бывает, что привидения уходят, если не обращать на них внимания. А от того, что замечаешь их, заговариваешь с ними, пытаешься общаться, им не становится лучше, но они крепче привязываются к месту. Но самым естественным завершением для них будет уйти.

– Получается, что вы обо всем знаете?

– Я знаю, что ты видел Марчент, – ответил Маргон. – Мне рассказал Феликс. И Феликс страдает из-за этого.

– Но я ведь должен был сказать ему, правда?

– Конечно, должен был. Я ни в коем случае не виню тебя в том, что ты рассказал об этом ему или кому-нибудь другому. Но, пожалуйста, выслушай меня. Лучше всего будет не замечать ее появлений.

– Но это так жестоко, так бездушно, – возмутился Ройбен. – Видели бы вы ее, видели бы вы ее лицо...

– Я видел ее только что, – сказал Маргон. – Прежде – нет, но сейчас видел, как она сидела у окна. Видел, как она поднялась и приблизилась к тебе. Но, Ройбен, разве ты не видишь, что она не может ни понимать тебя, ни сама заговорить с тобой? Она не столь уж сильный дух, и поверь, тебе совершенно ни к чему, чтобы она набрала силу, потому что если она станет сильной, то может остаться здесь навсегда.

Ройбен тяжело вздохнул. Ему вдруг очень захотелось сделать крестное знамение, но он удержался. У него тряслись руки.

Вернулась Лиза с подносом, который она поставила на кожаную оттоманку перед Маргоном. Комната наполнилась ароматом кофе. На подносе стояли два кофейника, две чашки с блюдцами и старинные льняные салфетки.

Маргон, пристально глядя на Лизу, произнес длинную и, похоже, неодобрительную фразу по-немецки. Он говорил ровно и размеренно, не повышая голоса, но в его словах звучала холодная укоризна, и женщина сначала покорно опустила голову, как и в первый раз, а потом кивнула.

– Ройбен, я прошу прощения, – сдержанно сказала она. – Поверьте в мою искренность. Иногда я бываю груба и могу показаться бездушной. Основа моего мира – целесообразность. Еще раз прошу простить меня. И надеюсь, что вы дадите мне возможность искупить ошибку, чтобы вы не думали обо мне плохо.

– Ну что вы, право, – поспешно ответил Ройбен. – Я и сам не соображал, что говорил. – Ему сразу же стало жалко эту женщину.

– Нет, это я высказалась опрометчиво, не подумав, – умоляющим шепотом возразила она. – Я принесу вам что-нибудь поесть. Ваши нервы расстроены, и вам очень важно есть как следует. – С этими словами она вышла из комнаты.

– Ты привыкнешь к ней и к остальным, – нарушил Маргон продолжительное молчание. Приедут еще один-два человека. Поверь, они очень хорошие слуги – наши слуги, – иначе я не стал бы держать их здесь.

– В ней есть что-то необычное, – признался в своих сомнениях Ройбен. – Не могу, правда, указать, что именно. Не знаю, как это описать. Но согласен, что она очень толкова. Даже и не знаю, что на меня нашло.

Он вытащил из кармана халата бумажную салфетку «Клинекс» и вытер глаза и нос.

– Во всех них немало необычного, – ответил Маргон, – но я имею с ними дело уже много лет. Они очень полезны нам.

Ройбен кивнул.

– Но, знаете ли, меня тревожит Марчент – ведь она страдает. А то, что сказала Лиза, было просто ужасно! Знаете... неужели в самом деле может быть, что Марчент не знает о своей смерти? Разве возможно такое, чтобы человеческая душа была привязана к одному месту и не знает, что человек мертв, а мы все живы, пытается заговорить с нами, а у нее ничего не получается? Я просто не в состоянии поверить в такое. Не в состоянии поверить, что жизнь может быть настолько жестокой. То есть я знаю, что повсюду в мире то и дело случаются страшные вещи, но думал, что после смерти, после того как, образно выражаясь, порвется нить... я думал, что тогда...

– Появляются ответы? – полувопросительно произнес Маргон.

– Да, ответы, ясность, прозрение. Или так, или, что, наверно, еще милосердней, ничего. Маргон кивнул.

– Ну, здесь, пожалуй, действительно нет ясности. Откуда нам знать, верно? Мы же прикованы к своим могучим телам. И понятия не имеем о том, что знают и чего не знают мертвые. Но кое-что я все-таки могу тебе сказать. В конце концов они уходят. Они способны на это. У них есть выбор, и в этом я глубоко убежден.

Маргон был сама доброта.

Когда Ройбен промолчал в ответ, он налил ему чашку кофе, не спрашивая, высыпал туда два пакетика искусственного подсластителя, как всегда делал Ройбен, тщательно размешал и протянул чашку Ройбену.

Потом явилась Лиза, сопровождаемая шелестом шелка и аппетитным запахом свежего печенья. Она ловко поставила на поднос тарелку, которую несла на одной руке.

– Сейчас надо немного поесть, – сказала она. – Сахар хорошо придает бодрость рано утром. Он разгоняет сонную кровь.

Ройбен сделал большой глоток кофе. Вкус оказался изумительным. Но наслаждаться им мешала свербящая и пугающая мысль о том, что Марчент, скорее всего, уже не способна ничего ощущать. Вероятно, она не может чувствовать ни вкуса, ни запаха, а может лишь видеть и слышать. Это ужасало его и терзало его совесть.

Когда он снова поднял глаза на Маргона, то чуть не расплакался от глубокого сочувствия, которое выражало его лицо. У смуглого, с азиатскими чертами лица, темноглазого Маргона было очень много общего с ничуть не похожим на него внешне Феликсом. Они походили друг на друга, как будто происходили из одного племени, но Ройбен знал, что такого просто не может быть, тем более если признать рассказы Маргона о древних временах правдой, а усомниться в правдивости Маргона не было никаких оснований, пусть даже кому-то его рассказы не нравились. Сейчас он производил впечатление искреннего заботливого друга – моложавого, сострадающего, надежного.

– Не расскажете мне кое о чем? – спросил Ройбен.

– Если смогу, – улыбнулся Маргон.

– Скажите, все ли старшие морфенкинтеры такие же, как вы, Феликс, Сергей и остальные? Такие же добрые и милые? Или где-то есть и другие морфенкинтеры – злобные и жестокие от природы?

Маргон негромко и как-то грустно рассмеялся.

– Ты нам льстишь, – сказал он. – Должен сознаться, как бы мне ни хотелось обратного, что мы действительно делим мир и с крайне малопривлекательными морфенкинтерами.

– Но кто они такие?

– О, я не сомневался, что ты спросишь об этом. Интересно, устроит ли тебя довод, что для них будет гораздо лучше, если они не станут соваться в наши края и будут тихонько сидеть на своей территории? Вероятно, нам очень долго не доведется встретиться с ними.

– Да, это, пожалуй, сойдет за довод. Значит, вы считаете, что в них нет ничего страшного?

– Страшного? Да, нету. Но признаюсь, что в мире есть и такие морфенкинтеры, к которым я отношусь, мягко выражаясь, неприязненно. Но крайне маловероятно, что тебе придется столкнуться с ними, по крайней мере пока я здесь.

– Они понимают зло не так, как вы?

– Так ведь каждый житель земного шара понимает зло по-своему, – ответил Маргон. – Ты и сам прекрасно это знаешь, и пояснения тебе ни к чему. Но все морфенкинтеры не приемлют зла и стремятся уничтожить его в людях.

– Но что же насчет других морфенкинтеров?

– Все это чрезвычайно сложно. Ты должен был понять это по случаю с беднягой Марроком. Он хотел убить тебя, считал, что должен это сделать, был уверен, что не имел права передавать тебе Хризму, что обязан исправить свою ошибку, но ты же сам видел, как трудно ему было это сделать. Ведь и ты, и Лаура не были ни в чем виноваты. И тебе – вам – удалось без особого труда убить его именно потому, что пытался убить вас. Вот тебе краткий обзор этики человеческой расы и всех бессмертных рас. Устраивает?

– Всех бессмертных рас?

– Беда с тобой и Стюартом. Если мы начнем отвечать на каждый ваш вопрос, вы очень скоро захлебнетесь информацией. Пусть все идет постепенно, хорошо? В таком случае и нам удастся отложить на будущее неизбежное признание в том, что нам известно далеко не все.

Ройбен улыбнулся. Однако он не собирался давать своему собеседнику возможность ускользнуть, как вода сквозь пальцы – только не сейчас, когда он испытывал такую боль.

– Скажите, а существует наука о духах? – спросил он, чувствуя, что к глазам снова подступают слезы. Взяв с тарелки печенье, он в один укус разделался с ним. Изумительное

овсяное печенье, как раз такое, какое он любил, толстое и в меру пропеченное. Потом он допил остатки кофе, и Маргон тут же налил ему еще.

– Ну, не то чтобы существовала... – ответил Маргон. – Хотя кое-кто может сказать, что существует. Я могу сказать лишь о том, что знаю сам: духи способны и могут перемещаться. Если, конечно, хотят. И, конечно, если не имеют намерения остаться и продолжать свою, так сказать, карьеру на прежнем месте.

– Вы, наверно, имеете в виду, что они просто скрываются из виду? – Ройбен тяжело вздохнул. – Точнее говоря, вы имеете в виду, что они перестают вам являться, но вы не можете точно знать, исчезли ли они вообще или находятся где-то поблизости?

– Определенные признаки существуют. Они меняются, они исчезают. Некоторые могут видеть духов лучше, чем другие. Ты, например. Ты унаследовал эту способность от предков с отцовской стороны. От кельтской крови. – Он сделал паузу, видимо, решая, стоит ли продолжать, и добавил: – Послушай меня, пожалуйста. Не ищи возможности общаться с нею. Пусть она уйдет, для ее же блага.

Ройбен не нашелся что ответить.

Маргон встал, собираясь уйти.

– Маргон, прошу вас, подождите, – сказал Ройбен.

Маргон остановился, глядя в пол и, видимо, готовясь услышать что-то неприятное.

– Маргон, кто такие Лесные джентри? – спросил Ройбен.

Маргон переменялся в лице. Вопрос почему-то рассердил его.

– Феликс, что, не рассказал тебе о них? Я был уверен, что рассказал.

– Нет, он ничего не говорил. Маргон, я знаю, что вы с ним ссорились. Я видел вас. И слышал.

– Вот пусть Феликс и объясняет тебе, кто они такие и почему он с ними якшается. А заодно пусть изложит всю свою жизненную философию и объяснит, почему считает, что все разумные существа могут жить в гармонии.

– А вы не верите в такую возможность? – спросил Ройбен. Он изо всех сил старался удержать Маргона здесь подольше и заставить его продолжать разговор.

Маргон преувеличенно вздохнул.

– Можно, пожалуй, и так сказать. Лично я предпочел бы жить в гармонии с миром без Лесных джентри и без всяких духов вообще. По-моему, было бы гораздо лучше, если бы в нашем мире обитали только создания из плоти и крови. Пусть даже это будут всякие мутанты неведомого происхождения, совершенно не предсказуемые в своих поступках. И я глубоко и неизменно почитаю материальное. – Он немного помолчал и повторил: – Материальное!

– Как Тейяр де Шарден, – заметил Ройбен. Он вспомнил о книжке, которую нашел еще до того, как познакомился с Маргоном и Феликсом, маленькой книжке теологических рассуждений Тейяра с дарственной надписью Маргона Феликсу. Тейяр ведь утверждал, что влюблен в материю.

– Что ж... Да, – чуть заметно улыбнувшись, сказал Маргон. – Пожалуй, что как Тейяр. Но Тейяр был священником, наподобие твоего брата. Тейяр верил в такое, во что я не верил никогда. Надеюсь, ты не забыл, что у меня нет религии.

– Мне кажется, что есть, – возразил Ройбен. – Своя собственная религия, в которой нет места богу.

– О, ты совершенно прав, – кивнул Маргон. – И, возможно, я заблуждаюсь, говоря о ее превосходстве. Лучше сформулировать это так: я убежден в первичности биологического перед духовным и мистическим. И корни всего духовного и мистического ищу в биологии и нигде больше.

С этими словами он вышел, не дав Ройбену возможности сказать хотя бы слово.

Ройбен откинулся в кресле и уставился неподвижным взглядом в окно. Из мокрых идеально чистых стекол витражного окна получился прекрасный набор зеркал.

Он долго сидел и рассматривал отражение пламени в стекле – небольшое зарево, плававшее, казалось, в пустоте, – а потом прошептал:

– Марчент, ты здесь?

В зеркале начал медленно складываться ее образ; Ройбен, не отрываясь, смотрел на него, а образ обретал цвет, плотность, становился трехмерным. Она снова сидела перед окном, но выглядела не так, как прежде. Теперь на ней было коричневое платье, которое она носила в тот день, когда они познакомились. Ее лицо словно озарилось жизнью, кожа обрела живую упругость, но выражение было очень-очень печальным. Мягкие коротко подстриженные волосы казались расчесанными. А на щеках блестели слезы.

– Скажи: чего ты хочешь? – произнес он, изо всех сил стараясь преодолеть страх, и начал подниматься, чтобы подойти к ней.

Но образ уже расплывался. Вот эфемерный образ вроде бы в порыве потянулся ему навстречу, но тут же начал терять свою вещественность, рассыпаться, как будто состоял из пикселей, цвета и света. Она исчезла. А он стоял посреди библиотеки и, потрясенный так же сильно, как и несколько часов назад, чувствуя, что сердце отчаянно колотится возле самого горла, глядел на собственное отражение в оконном стекле.

11

Ройбен проспал до середины дня и спал бы и дольше, но его разбудил телефонный звонок Грейс. Она сказала, что Ройбену лучше бы приехать, не откладывая, – если, конечно, он хочет, чтобы церемония состоялась завтра утром, – и заблаговременно подписать все нужные документы. Возразить на это было нечего.

Он немного задержался, так как хотел перекинуться словом с Феликсом, но того нигде не было. Лиза предположила, что он снова уехал в Нидек для того, чтобы проконтролировать, как выполняются его планы подготовки города к рождественскому фестивалю.

– У всех сейчас столько дел! – сверкая глазами, посетовала Лиза, но тем не менее все же попыталась заставить Ройбена перекусить. Хедди и Жан-Пьер под ее руководством устали весь длинный стол в столовой большими и малыми серебряными блюдами, салатницами и тарелками. Двери буфетной были распахнуты, на полу вдоль стола стопками громоздилась разнообразная посуда.

– Поверьте мне, вам очень нужно хорошо есть, – сказала она и проворно направилась в кухню.

Ройбен остановил ее и сказал, что пообедает с родными в Сан-Франциско.

– А вот все эти приготовления очень впечатляют, – совершенно искренне сказал он, с новой силой осознав, что до грандиозного приема остается всего семь дней.

В дубраве сустились рабочие, развешивавшие на мощных ветках бесконечные электрические гирлянды из маленьких лампочек. На террасе, перед домом, уже возвели навесы. Взад-вперед бегали сам Гэльтон и его многочисленные родственники-плотники. И прекрасные мраморные статуи для сценки вертепа уже перевезли на край террасы, и они стояли там мокрые и словно растерянные, ожидая, когда же их расставят должным образом, а рядом с ними еще одна кучка рабочих, несмотря на непрекращающийся морозящий дождь, что-то мастерил, по-видимому, ясли, где будет лежать Младенец.

Уезжать страшно не хотелось, но, увы, выбора у Ройбена не было. Что касается предстоящих событий, то за Лаурой он сегодня заезжать не будет, а завтра она сама приедет в мэрию.

Впрочем, дела обернулись хуже, чем он ожидал.

Дождь разошелся прежде, чем Ройбен успел доехать до моста Золотые ворота, а всего дорога до Русского холма заняла более двух часов, и все это время буря явно не собиралась затихать. А ливень хлестал такой, что Ройбен промок до нитки, пока бежал от машины к крыльцу, и ему прежде всего потребовалось переодеться.

Но это было наименьшей из всех проблем.

Документы, подготовленные Саймоном Оливером, подписали быстро, без разногласий, однако Селеста, пребывавшая в крайне раздраженном состоянии, непрерывно отпускала язвительные замечания и особенно разошлась, когда дело дошло до договора о передаче ребенка Ройбену. Ройбен же остолбенел, когда увидел, какую кучу денег получит Селеста, но, конечно, промолчал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.